ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 43 (3699) Вторник, 9 апреля 1957 г. Цена 40 коп.

Вот уже десять дней, как советские люди вдумчиво, с огромной заинтересованностью обсуждают тезисы доклада Н. С. Хрущева. Рабочие, инженеры, ученые, все трудящиеся нашей страны мобилизуют свой жизненный опыт, практические и теоретические знания для того, чтобы помочь нашей партии усовершенствовать организацию управления промышленностью и строительством.

Сейчас уже отчетливо вырисовываются контуры экономических районов, пути комплексного использования местных ресурсов, экономические взаимосвязи с другими районами. Для решения важнейших проблем, в связи с намечаемой перестройкой, вносятся многочисленные ценные предложения по структуре самих совнархозов, по организации внутрирайонного планирования и снабжения, кооперированию предприятий, подготовке специалистов, созданию наиболее благоприятных условий для широкого внедрения в производство всего нового, передового, прогрессивного.

Отрадные вести о творческом подъеме масс идут отовсюду, со всех концов нашей страны.

ИНИЦИАТИВА, РАЗМАХ, ДЕЛОВИТОСТЬ

Забота о будущем экономического района

Сегодня, когда все внимание советской общественности сосредоточено вокруг тезисов доклада товарища Н. С. Хрущева «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», невольно всплывают в памяти недавние разговоры со знакомыми руководителями ленинградских заводов, с изобретателями и рационализаторами.

Сегодня — это уже не разговоры, а дело настоящего дня! На столах ленинградцев развернуты номера газеты с тезисами доклада Н. С. Хрущева, а рядом — карты и справочники по городам будущего Ленинградского экономического района. Каждому интересно узнать подробности того, что даст заводам и фабрикам, что даст советской промышленности новая структура. А даст она очень много полезного.

Сидит, склонившись над тезисами, известный хирург и говорит с чувством удовлетворения:

— Медико-инструментальный завод «Красногвардеец» в Ленинграде? В Ленинграде, Подчиняться будет Ленинградскому совнархозу? Ленинградскому. Сел в автобус и за один час побывал и в клинике, и в совнархозе, и на заводе. И будет все решено!

А решено должно быть вот что. Три года назад хирург изобрел новый инструмент для операций. Сделал его в мастерских, проверил, отправил на апробацию, получил полное одобрение и авторское свидетельство.

Начал сам оперировать этим инструментом. Охотно раздавал чертежи своим коллегам, а те находили мастеров-умельцев и заказывали им за хорошее вознаграждение этот инструмент. И принимались им оперировать весьма успешно. Инструмент действовал на пользу советским людям, но имели его немногие.

А в это время Министерство здравоохранения и подведомственные ему организации долго, очень долго «изучали» изобретение ленинградского хирурга. «Изучали» вместо того, чтобы поскорее пустить его в массовое производство.

Вот и радуется хирург -изобретатель, что теперь легче будет решить все эти вопросы на месте, в своем экономическом районе, где все есть для того, чтобы выпускать и его не так уж сложный инструмент, и самые сложные механизмы и приборы.

Создание экономического района задевает жизненные интересы всех без исключения. Руководители предприятий, рабочие-новаторы, профессора и академики, тесно связанные с промышленностью, партийные работники — каждый видит впереди широчайшие возможности дальнейшего роста своего дела.

Большую активность проявляют рабочие-новаторы, изобретатели, борцы за технический прогресс. Они продумывают, как должно быть поставлено дело для того, чтобы нужные промышленности изобретения скорее и шире внедрялись в производство. Известный в Ленинграде новатор — токарь-карусельщик Н. Лепилин предлагает учредить в каждом Совете народного хозяйства экономического района специальную должность — представителя Комитета стандартов, мер и измерительных приборов. Такой представитель обязан оперативно решать все вопросы, связанные со стандартизацией, и содействовать широкому распространению технических новшеств.

Интересные предложения вносят научные работники. Директор Электротехнического института профессор Н. Богородицкий и его заместитель Г. Одинцов предлагают наряду с общим планированием по экономическому району составлять ежегодные планы внедрения научных работ. Предлагается также установить специальную систему поощрения тех предприятий и тех работников, которые способствуют внедрению новой продукции.

Широко идет обсуждение, собираются совещания, по-деловому готовится Ленинград к важнейшему делу — к превращению его в центр Ленинградского экономического района, который выходит далеко за пределы Ленинградской области.

Е. КАТЕРЛИ

ЛЕНИНГРАД

◇ ◇

Все думают: как лучше сделать?

Горячо, с большой заинтересованностью на предприятиях и стройках Новосибирска трудящиеся обсуждают тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева, высказывают свои мысли и предложения.

В эти дни мне пришлось побывать на Турбогенераторном заводе—одном из крупнейших промышленных предприятий города. Завод этот на основе широкой кооперации сумел организовать у себя сборку комбайнов и за сравнительно короткий срок — меньше полутора лет — выпустил около 20 тысяч молотилок.

Начальник производства комбайнов Виталий Николаевич Голованов говорит:

— И ведь все это без особых капиталовложений. И я уверен, что мы могли бы сделать гораздо больше, если бы не междуведомственная неразбериха, которая тормозит дело, приводит к лишним, нерациональным перевозкам. Вот вам пример. Мы получаем колеса для молотилок из Новочеркасска, тогда как эти же колеса выпускают в Барнауле по соседству с нами. Но все дело в том, что барнаульский завод другого министерства. Договориться невозможно. Думаю, что теперь мы с барнаульцами поладим.

— Очень важно, — продолжал В. Голованов, — чтобы в экономических районах, в которые войдет несколько областей, было единое квалифицированное руководство. Это залог успеха. Необходимо также уже сейчас подробно разработать функции плановых отделов совнархозов. Ведь плановые отделы должны не только увязывать планы с материально-техническим снабжением, но и тщательно изучать и выявлять новые возможности, дополнительные резервы на предприятиях. Тут уж сама жизнь сломает кабинетный стиль руководства, установившийся в некоторых министерствах... Тезисы доклада товарища Хрущева—документ огромной важности. А его всенародное обсуждение—величайшее свидетельство кровной связи партии с народом. И мы должны помочь партии, сказать свое мнение, как лучше сделать...

Как лучше сделать... Об этом говорят повсюду.

На предприятиях города проходят собрания. Все шире и шире разливается волна народного обсуждения. Люди знают: все мысли и предложения, которые они высказывают, все ценное и полезное будет тщательно изучено, учтено Центральным Комитетом партии и правительством. Ведь в том-то и состоит огромная жизнеутверждающая сила партийных решений, что они выражают стремление трудящихся масс, творчески обобщают драгоценный народный опыт.

Об этом просто и хорошо сказал слесарь-сборщик комбайносборочного цеха Турбогенераторного завода Александр Никандрович Бирюлин:

— Всегда, когда нужно решать большие государственные дела, партия обращается к народу. Радостно сознавать, что все мы участвуем в таком важнейшем деле, как перестройка управления промышленностью и строительством.

С. СМОЛЯНИЦКИЙ

НОВОСИБИРСК

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Первого секретаря ЦК КПСС Героя Социалистического Труда Хрущева Н. С. орденом Ленина и второй золотой медалью «Серп и Молот»

Отмечая выдающиеся заслуги Первого секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Хрущева Н. С. в разработке и осуществлении мероприятий по освоению целинных и залежных земель, наградить товарища **Хрущева** Никиту Сергеевича орденом **Ленина** и второй золотой медалью **«Серп и молот».**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль
8 апреля 1957 г.

СЕГОДНЯ В МОСКВЕ ОТКРЫВАЕТСЯ ДЕКАДА ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

ПРАЗДНИК КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Не так давно Москва пожелала доброго пути эстонским артистам, поэтам, писателям, художникам. А сейчас она встречает представителей культуры братского народа — на этот раз посланцев Таджикистана, проделавших огромный, в несколько тысяч километров путь, чтобы встретиться с московскими зрителями и читателями, с товарищами по театру, музыке, литературе.

Творческое общение деятелей национального искусства и литературы с москвичами — замечательная традиция нашей многонациональной культуры. Каждая республика, каждый народ Советского Союза с волнением, напряженно и ответственно готовятся к серьезному событию — к декаде своей культуры в Москве. И это не удивительно, ибо декада — творческий отчет и демонстрация достижений искусства и литературы не только перед москвичами, но и перед всей страной. Это факт международного значения, показывающий перед всем миром быстрое и многообразное развитие наших национальных культур, плодотворную заботу о них партии и Советского государства.

Открывающаяся сегодня в Москве декада таджикской литературы и искусства — вторая по счету. Первая состоялась в апреле 1941 года. В 1949 году проводилась лишь декада нашей литературы.

За 16 лет, отделяющих нас от первой декады, в жизни таджикского народа произошли огромные сдвиги. Неизмеримо выросла экономика республики. Объем промышленного производства по сравнению с уровнем 1940 года увеличился в 1956 году в 3,1 раза. Выросли десятки новых крупных предприятий и целые отрасли промышленности. Наша республика заготовляет сейчас хлопка-сырца почти в два с половиной раза больше, чем до войны. За выдающиеся успехи в развитии сельского хозяйства, особенно ведущей его отрасли — хлопководства, Таджикистан удостоен высшей правительственной награды — ордена Ленина.

Разительны перемены и в развитии культуры. Во время первой декады у нас не было Академии наук, — теперь она функционирует, объединяя девять научно-исследовательских институтов, имеющих в своем составе 11 докторов и 96 кандидатов наук. У нас не было университета, а в этом году Таджикский государственный университет в шестой раз выпускает молодых специалистов. Созданы новые высшие учебные заведения: политехнический институт, женский педагогический институт, педагогический институт в Кулябе. Объем книгоиздания в 1957 году возрос по сравнению с 1940 годом в четыре раза.

Руки миллионов тружеников с каждым годом меняют облик республики, любовно одевают ее во все более прекрасный наряд. В городах и кишлаках широко развернулось строительство очагов культуры.

Эти преобразования — смысл и содержание нашей жизни. Они — результат созидательного труда и энергии народа. Наши великие советские будни ежедневно, ежечасно подсказывают писателям и деятелям искусства бесчисленное множество новых тем, рождают у них новые планы и замыслы.

Прослеживая путь таджикского искусства и литературы, мы не можем не радоваться их успехам.

В 1941 году таджикские артисты и режиссеры ехали в Москву с первыми национальными оперными, балетными, драматическими спектаклями. Сейчас они выступят со значительно большим количеством спектаклей, поставленных, что очень важно, на более высоком профессиональном уровне.

Таджикский государственный ордена Ленина театр оперы и балета имени С. Айни осуществил постановки таких отвественных спектаклей, как опера «Пулат и Гульру» (музыка молодого композитора Ш. Сайфитдинова), балеты «Лейли и Меджнун» (музыка С. Баласаняна) и «Дильбар» (музыка А. Ленского).

Государственный ордена Трудового Красного Знамени академический театр драмы имени Лахути познакомит москвичей с драмами «Саодат» С. Саидмурадова и М. Рабиева, «Дохунда» Дж. Икрами (по одноименному роману С. Айни) и комедией «Дил дили зайнаб» Ш. Киямова и А. Мороз.

Русский театр имени Маяковского впервые, специально к декаде, поставил пьесы таджикских драматургов М. Миршакара «Трагедия Усманова» и М. Рабиева «Добрая слава».

Актеров и режиссеров наших театров привлекают шедевры мировой драматургической и оперной классики, лучшие пьесы советских авторов. Во время декады они покажут свои постановки «Короля Лира», «Мазепы», «Детей солнца» и «Бани».

Некоторые пьесы таджикских драматургов в декадный репертуар не включены. Но они поставлены и пользуются успехом у зрителей. Это «Говорящая чинара» С. Саидмурадова и Б. Рахим-заде, «Песня в горах» Гани Абдулло, «Тарифходжаев» А. Дехоти и Б. Рахим-заде, «Тошбек и Гулкурбон» М. Миршакара, «Сказание Гафиза» Ф. Ташмухамедова и др.

Развивается наша национальная кинематография. Мы сможем продемонстрировать в Москве новые художественные фильмы «Дохунда», «Я встретил девушку», а также полнометражный документальный фильм «Люди солнечной страны». Поставлен также художественный фильм «Авиценна».

Большое достижение нашей литературы — появление в ней реалистической прозы, ее крупных форм — романов и повестей.

В представлении русского, украинского, литовского читателя, равно как и читателя любой другой национальности, таджикская советская литература прежде всего связывается с именем ее основоположника — Садриддина Айни. Этот писатель не только оказал сильнейшее влияние на развитие таджикской литературы, но и стал одним из родоначальников реалистической прозы в Средней Азии. Произведения С. Айни «Дохунда», «Рабы», «Смерть ростовщика», «Бухара», «Старая школа», являющиеся гордостью таджикской прозы, пользуются огромной популярностью у нашего народа. Некоторые из этих книг переведены на языки многих народов СССР, а также изданы за рубежом — на китайском, корейском, польском, чешском, хинди и других языках.

В активе таджикской прозы есть также интересные произведения авторов среднего поколения — о становлении Советской власти в Таджикистане, о борьбе с басмачеством, о колхозном строительстве и т. д. Это в первую очередь романы «Обновленная земля» и «Утро нашей жизни» С. Улуг-зода, «Шоди» Дж. Икрами, «Пулат и Гульру» Р. Джалила, «Верность» Ф. Ниязи.

Мы привезли на декаду и новые книги — роман Дж. Икрами «Признаю себя виновным», большой сборник рассказов, написанных таджикскими писателями за годы Советской власти; в него включены, наряду с рассказами опытных писателей, рассказы молодого новеллиста П. Толиса, начинающего автора М. Шарки и др. Выпущен также сборник очерков, в котором представлено около 30 авторов.

К сожалению, не переведенными на русский язык остались четвертый том «Бухары» и новая редакция сатирической повести «Смерть ростовщика» С. Айни. Еще не изданы первый в таджикской литературе роман о рабочем классе Р. Джалила «Шахтеры» (начальные главы его напечатаны в журнале «Шарки сурх») и вторая часть романа Ф. Ниязи «Верность».

В нашей литературе по-прежнему преобладающей является поэзия. Это не случайное обстоятельство, оно связано с богатыми многовековыми традициями как письменной таджикской литературы, так и устного народного творчества, существовавшего преимущественно в поэтических формах— рубаи, газели, дастана. Нельзя забывать и об одной особенности таджиков: все они — независимо от возраста и образования — любят, чувствуют и знают родную поэзию — и фольклорную, и классическую, и советскую. В горных районах Таджикистана есть кишлаки, где люди разговаривают между собой стихами.

Наличие блестящих поэтических традиций на первых порах поставило, как это ни парадоксально, поэтов Таджикистана в более трудные по сравнению с прозаиками условия. Наши прозаики прошли через новую для них школу реалистической, в первую очередь русской, прозы. У поэтов же, зачастую неопытных, «самоучек», оказалось множество учителей — поэтов-классиков и народных шаиров. Некоторые наши поэты механически восприняли достижения крупнейших авторитетов восточной поэзии. Другие же творческое освоение классического наследия сочетали с упорным изучением русской поэзии и благодаря этому сумели вырваться из плена устаревших традиций, создать произведения, глубоко национальные по колориту и вместе с тем реалистические по манере письма.

Однако, говоря об этих двух течениях в таджикской советской поэзии, нельзя формально делить поэтов на две шеренги: направо — последователи классической традиции, налево — «реалисты». Нет, дело гораздо сложнее. Борьба шла не только между поэтами разных течений, но и между устаревшим и новым в творчестве каждого из наших поэтов. В этой борьбе таджикская поэзия развивалась, завоевывала все новые позиции, все больше овладевала социалистическим реализмом, выходила на широкий простор правдивого и поэтически сильного изображения советских людей и советской действительности.

В довоенные годы многонациональному советскому читателю были известны, главным образом, поэтические произведения С. Айни и А. Лахути. В годы войны и особенно в послевоенный период таджикская поэзия стала все успешнее завоевывать симпатии широкого круга читателей внутри Советской страны и за ее пределами. Отрадно, что значительно расширился горизонт таджикской поэзии: тематика ее стала гораздо разнообразнее, появились реалистические поэмы, отражающие существенные явления современности, показывающие в развитии сложные и многогранные характеры.

Интересна поэма М. Миршакара «Ленин на Памире». В ней ярко отображено, как проникали ленинские идеи в высокогорные районы Таджикистана, как боролись памирцы за свою свободу и счастье, как огромна их любовь к Ильичу.

Г. Мирзоев в поэме «Асрор», взволнованно повествуя о первых годах Советской власти в Таджикистане, создает образ юноши, который страстно стремится найти свое место в новой жизни и стать настоящим человеком.

Современной колхозной деревне посвятил свою поэму «Солнце в пути» молодой поэт Ф. Ансори. Герой ее — архитектор, приехавший после окончания института на работу в родной кишлак.

Хочется особо отметить двух поэтов: А. Дехоти и Б. Рахим-заде. У них, прекрасных знатоков классической поэзии, ярких стилистов, новая поэтическая тенденция все ощутимее побеждает старые каноны: их стихи становятся все более конкретными по мысли и образам, все более избавляются от традиционной риторики. Они пришли к декаде с новыми сборниками, переведенными на русский язык.

Московские читатели познакомятся также с А. Шукухи—автором напевных лирических стихотворений, многие из которых уже положены на музыку и стали в республике популярными песнями. Первый сборник этого молодого поэта на русском языке свидетельствует о своеобразии его дарования. К сожалению, не все переводы его стихотворений одинаково удачны.

С новыми стихами выступают также сравнительно молодые поэты — А. Воситзаде, Г. Сулейманова, А. Сидки, Ф. Ансори, Б. Ходжи и другие, широко представленные в сборнике «День таджикской поэзии». В этом сборнике впервые на русском языке публикуется эмоционально-насыщенная, оригинальная по форме лирика С. Айни.

Недавно вышел и сборник «Таджикские поэты детям». Не только ребенок, — читатель любого возраста с удовольствием прочтет в нем такие произведения, как «Подруги» М. Миршакара, веселые стихи А. Дехоти («У Хасана два кармана», «Озорник Ахмед», «На кого ты похож?» и др.), «Каттача» А. Сидки, «Козлик вырастет у нас» Г. Мирзоева, «Каникулы Нори» Г. Сулеймановой, стихи М. Фархата, Ф. Ансори, А. Бахори. Последний всецело посвятил свое творчество детям, он пишет для них не только стихи, но и рассказы.

Современный оригинальный народный поэт С. Хол-заде завоевал в республике известность поэмой «Две жизни», в которой рисует два этапа жизни таджикского народа — дореволюционный и в годы завершения революции. Произведения народных поэтов С. Хол-заде и Карима Девона, о котором уже сообщалось в печати, бесспорно обогащают сокровищницу таджикской поэзии.

Немало потрудились наши критики и литературоведы. Написана первая часть «Очерка истории таджикской советской литературы», в работе над которым активно участвовали Ш. Хусейн-заде, И. Брагинский, С. Табаров, А. Эдельман, М. Шукуров и др. Завершены очерки по истории классической литературы и монографии об отдельных классиках. Часть этих работ будет поставлена на обсуждение московских критиков и литературоведов.

Рука об руку со своими таджикскими товарищами работают русские писатели, живущие в республике: прозаики Е. Лопатина, М. Левин, Л. Горлецкий, очеркист А. Одинцов, поэты В. Кириллов, М. Фофанова, неутомимый собиратель фольклора К. Улуг-заде, критик М. Явич.

Есть русские писатели, которые не живут в республике, но отдали ей свой талант. К ним относится в первую очередь П. Лукницкий. На протяжении многих лет он пишет о Таджикистане, интересуется развитием таджикской литературы, непосредственно помогает росту наших писателей. С благодарностью мы называем также переводчиков С. Липкина, В. Державина, И. Сельвинского, А. Адалис, В. Левика, Л. Пеньковского, С. Бородина, О. Эрберга, А. Ойслендера, Е. Босняцкого, В. Бугаевского, Н. Гребнева, В. Звягинцеву и многих других. Их переводы донесли богатства таджикской классической и советской литературы до русского и всесоюзного читателя.

Перед литераторами Таджикистана много нерешенных задач. В частности, нам предстоит вместе с московскими друзьями обсудить и выявить причины медленного роста прозы и драматургии — жанров, во многом определяющих пути и темпы развития таджикской литературы. Мы ожидаем больших результатов от совместных творческих обсуждений наших книг с нашими старшими братьями — русскими писателями. Мы надеемся, что московские товарищи объективно и прямо скажут, в чем, по их мнению, наши успехи, в чем промахи, что у нас хорошо, что плохо. Мы уверены, что встречи с московскими читателями и зрителями, деловые писательские споры во время обсуждений творчески обогатят нас, помогут дальнейшему расцвету самобытной и яркой культуры таджикского народа.

75-летие Антанаса Венуолиса

Одному из старейших литовских писателей заслуженному деятелю искусств Литовской ССР Антанасу Юлиановичу Венуолису-Жукаускасу исполнилось 75 лет.

А. Венуолис вошел в литовскую литературу более пятидесяти лет назад. Уже в первых книгах он примкнул к реалистическому направлению; большое влияние оказали на него русские писатели, особенно А. П. Чехов. Многие рассказы и повести А. Венуолиса стали классическими образцами литовской прозы, например, «Кавказские легенды», «Утопленница», изданные и на русском языке. В произведениях А. Венуолиса правдиво и ярко показана жизнь литовского крестьянства под гнетом кулачества, резко изобличаются клерикальное духовенство, городское мещанство.

В годы господства буржуазии он не поддавался декадентским влияниям, оставаясь решительным сторонником реализма. В своих произведениях этого периода он сумел раскрыть моральный упадок, духовную нищету господствующих классов.

После установления в Литве Советской власти А. Венуолис пишет новые замечательные произведения, сделавшие его широко известным советским писателем. Особенно хорошо знаком всесоюзному читателю его последний роман «Усадьба Пуоджюнасов» — яркое произведение социалистического реализма.

Классически ясному, богатому языку, блестящему мастерству у А. Венуолиса училось не одно поколение литовских писателей. Старый мастер литовской литературы и сейчас продолжает творческую работу.

Правление Союза писателей СССР обратилось к А. Венуолису с приветствием, в котором говорится:

«Правление Союза писателей СССР и московские литераторы горячо приветствуют Вас, одного из старейших и выдающихся мастеров литовской литературы, в день Вашего славного 75-летия.

Вы с честью прошли большой литературный и жизненный путь, всегда оставаясь верным своему призванию и передовым демократическим воззрениям своей юности...

Вместе с литовским народом мы высоко ценим и любим Ваш превосходный литературный талант. Ваши романы, повести, пьесы, рассказы, очерки...

Позвольте, дорогой и горячо любимый Антанас Юлианович, в день Вашего 75-летия пожелать Вам здоровья, долгих лет жизни и новых творческих успехов на благо литовской и всей нашей многонациональной советской литературы».

***

В Вильнюсе состоялся торжественный вечер, посвященный 75-летию А. Венуолиса-Жукаускаса.

Вечер открыл председатель правления Союза писателей Литвы А. Венцлова. Первое слово предоставляется Председателю Президиума Верховного Совета Литовской ССР Ю. Палецкису, который горячо поздравил юбиляра с присвоением почетного звания народного писателя республики.

От имени Союза писателей СССР А. Венуолиса поздравил Л. Славин. Народного писателя тепло приветствовали собратья по перу, артисты литовских театров, рабочие, студенты. Были зачитаны приветствия от союзов писателей братских республик, центральных и республиканских газет и журналов.

Приезд в СССР чехословацких писателей

Вчера в Москву по приглашению Союза писателей СССР прибыла делегация чехословацких литераторов.

Делегацию возглавляет народный писатель Чехословакии, автор поэмы «Песнь мира», Витезслав Незвал.

В составе делегации: один из видных чешских писателей, первый секретарь Союза писателей Чехословакии Ян Отченашек, роман которого «Гражданин Брих», опубликованный в журнале «Иностранная литература», а затем в «Роман-газете», хорошо известен советскому читателю; видный словацкий критик Александр Матушка, перу которого принадлежит ряд работ, посвященных творчеству писателей словацкой, русской и мировой литературы; прозаик и драматург Милан Яриш; заслуженный деятель искусств, автор хорошо известной книги «Полевые цветы» поэт Вилем Завада; чешский поэт Ян Нога; словацкий поэт Павол Горов, много сделавший в области перевода на словацкий язык произведений советских, болгарских и китайских поэтов, и поэт Франтишек Бранислав.

На Внуковском аэродроме гостей встречали секретари правления Союза писателей СССР Б. Полевой, В. Ажаев, В. Смирнов, председатель иностранной комиссии союза С. Михалков, представители литературной общественности столицы. Цель приезда чешских и словацких литераторов — ознакомление с деятельностью Союза писателей СССР и книжных издательств.

ДЛЯ НАШЕГО ДОМА

Ваграм АПРЕСЯН

Недавно ко мне пришел инженер Евгений Григорьевич Николаенко. Мы встречались с ним всего лишь дважды шесть лет назад в благоприятнейших, счастливых для него обстоятельствах. С тех пор мы не виделись, поэтому для меня было совершенно неожиданным его посещение и озабоченный вид. После обмена приветствиями Евгений Григорьевич сказал, что он явился по делу, о котором я писал прежде, и начал разговор образным вступлением.

— Представьте себе, — сказал он, — что вы очень спешите куда-то, но ваш автомобиль прикован к асфальту красным глазом светофора. Наконец зажегся желтый, предупредительный, затем зеленый свет, и машина рванулась вперед. Так вы проехали много улиц, повинуясь властному миганию трехглазого регулировщика. Но вот на очередном перекрестке происходит нечто странное: зажигается желтый свет и не гаснет. Вы ждете, ждете, нервничаете, то и дело с отчаянием глядите на часы и чертыхаетесь, однако желтый глаз словно бы утвердился навечно. Вам не запрещено продолжать путь и не разрешено. «Так в жизни не бывает», — возразите вы. Да, так не бывает, если понять мои слова буквально, но в переносном смысле подобные казусы, увы, случаются, и результаты их бывают куда более печальными, нежели путевые неприятности отдельного человека. Вы знаете мою историю до 1951 года, а ведь с тех пор много воды утекло, и наш коллектив встретил на своем пути немало досадных помех. Правда, мы не топтались на месте, двигались вперед, но теперь...

— Теперь топчетесь?

— Нет, пока что испытываем только заминку. Нам как бы зажгли желтую фару, а зеленой не обещают. И сейчас назревает-таки опасность топтания на месте.

— По-вашему, газете следует вернуться к старой теме? — спросил я.

— Вы угадали... Впрочем, можно ли назвать тему старой, если она звучит по-новому и продолжает жить и волновать многих людей, если она приобрела исключительную важность в связи с решениями последних Пленумов ЦК нашей партии?!

Сто лет спустя

Чем же был озабочен Николаенко?

Так как наш разговор продолжался на родине Евгения Григорьевича в Одессе, куда я поехал, то отвечу на вопрос, начав с того, что видел своими глазами.

Мы вошли в неблагоустроенный цех с тесно расставленным оборудованием, закопченным высоким потолком и поднялись по лестнице на железную площадку. Отсюда, как с капитанского мостика, хорошо виднелось все, что происходило внизу. Площадка возвышалась над небольшой прокатной машиной. Правее гудела вагранка, а чуть левее бушевала печь для обжига металла.

Вот из вагранки забил ручьем жидкий чугун и наполнил доверху ковш. По мановению руки рабочего кран зацепил пышущий жаром ковш, поднял и поставил его как бы над «изголовьем» прокатной машины, которую успели запустить. Ковш стал наклоняться, осторожно сливать содержимое в желоб, направляющий поток к быстро вращающимся валкам. И тотчас же с другой стороны, из-под валков, начала с удивительной скоростью вылетать широкая раскаленная бесконечная лента. На ходу она автоматически разрезалась на равные куски, которые друг за другом стремительно скользили по транспортеру, слетали с него в конце пути, складываясь в стопки и медленно темнея.

Огненный поток, молниеносно превращающийся в тонкие листы, красные световые блики, играющие на лицах людей, складках спецовок, сверкающих валках, бодрящий ритм машины — это сказочное зрелище было апофеозом столетней борьбы конструкторской мысли за большую идею. Да, столетней, ибо свыше века назад знаменитый английский металлург Бессемер высказал мысль о возможности получить лист непосредственно из жидкого металла. В самом деле, как неразумно сначала отлить массивный стальной слиток, дать ему затвердеть, а затем тратить огромные усилия, чтобы превратить его в тонкие листы. Не проще ли сразу заставить расплавленный металл растекаться и превращаться в лист? Оказалось не просто, так не просто, что за сто лет на реализацию этой идеи было взято свыше ста патентов во многих странах мира, но они успеха не имели. Теперь мы очевидцы не только полного успеха, но и величественного, я бы сказал, эстетического зрелища, на которое смотришь жадно и удивленно.

Однако, как бы ни были сильны эмоции, вызванные красотой и талантливостью картины трудового процесса, человеческий ум в подобных случаях непременно обращается к практической стороне дела:

— А что это дает?

Это дает за двадцать минут 750 квадратных метров кровли, или крышу 250—300 жителям, скажем, пятиэтажного дома.

— Какая же может быть крыша из хрупкого чугунного листа?

Действительно, лист очень хрупок. При малейшей неосторожности он разлетается вдребезги, как стекло. Но так случается до обжига в печи, а после обжига он становится гибким.

Пока Евгений Григорьевич рассказывал мне о выгодах широкого применения нового вида чугуна, я смотрел, как возникают на глазах, стопка за стопкой, листы.

Кратчайший путь

После войны Николаенко вернулся с эвакуированного на Алтай завода в Одессу. Он вез новый метод выпуска тонкого листа, разработанный совместно с профессором А. Улитовским.

В создании кровли обычно участвуют рудокопы, доменщики, сталевары, литейщики, прокатчики; при этом часть металла угорает, бывает много отходов.

Метод Николаенко и Улитовского исключал из цикла варку стали, отливку чушек и прокат, то есть упразднял мартеновскую печь и целую серию мощных прокатных станов. Решена была эта задача, на первый взгляд, просто: новаторы создали особый режим охлаждения валков своей машины. Жидкий чугун, попадая в зазор между холодными валками, мгновенно кристаллизировался, превращался в тестообразную массу и тут же прокатывался с необыкновенной легкостью.

Этот способ открыл металлу кратчайший путь от рудника до крыши нашего дома. А ведь чем короче путь, тем меньше «дорожные» расходы. Назовем цифры: комплекс оборудования для выпуска листа по старому способу имеет мощность в 20—30 тысяч лошадиных сил, а по новому способу — всего лишь... 15 лошадиных сил. Там габариты машин — сотни метров, здесь — метры; там стоимость оборудования — сотни миллионов рублей, здесь — миллионы.

Одессит Николаенко и ленинградец Улитовский не прерывали связи. На заводе сельскохозяйственных машин имени Октябрьской революции, где Николаенко работал с юных лет, он построил новую машину. Она успешно поработала некоторое время, как вдруг директор завода тов. Обухов заявил, что производство кровли не соответствует профилю завода, поэтому-де он намерен перевести людей, занятых выпуском листа, в один из цехов. Изобретатель доказывал, что листы различной толщины можно применить при обшивке комбайнов, молотилок, веялок, использовать для постройки временных амбаров зерна, для вагонов, автобусов, сборных гаражей; из листов можно отштамповать части газовых плит и многие другие вещи.

Директор, обремененный заботами о плане, не уступал. Николаенко обратился за помощью в партийные органы Одессы, поехал в Москву. В течение года он отстаивал право на существование участка опытного производства чугунного листа. Затем пришел новый директор. Изобретатель обрадовался, приняв свою давнишнюю мечту о добром союзе с директором за действительность, но ошибся. Тот не признал незаконного сына завода — опытный участок — и приказал остановить его. Евгений Григорьевич вновь отбыл в Москву просить заступничества. Начальник главпочвомаша министерства тов. Саркисов внял его голосу, выехал в Одессу и помешал осуществлению злосчастного приказа.

После признания

Маленькая прокатная машина с ручным розливом чугуна показывала чудеса. Отчеты авторов изобретения и экспертных комиссий изучались в Москве. Гибкий чугунный лист — новинка мировой металлургии—получил признание. Е. Николаенко, А. Улитовскому и литейщику К. Гетману была присуждена Сталинская премия.

В 1951 году правительство постановило создать в Одессе Центральное конструкторско-технологическое бюро — ЦКТБ для дальнейшей разработки проблем проката изделий непосредственно из жидкого металла. Руководителем ЦКТБ был назначен Евгений Григорьевич Николаенко. Изобретатель был счастлив.

Не сразу повезло и ЦКТБ. В тесноте и при неудобствах молодой коллектив экспериментировал, улучшал технику литья, вывел дело из детского возраста. Давно уже назрел вопрос о богатом, кровно заинтересованном в этом деле «хозяине», который всерьез занялся бы его развитием в общесоюзном масштабе. Но не тут-то было.

«Изготовление листа — процесс металлургический, и пускай им занимается Министерство черной металлургии», — говорили машиностроители.

«Работа оборудования для листа — процесс машиностроительный, и пускай им занимается Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения», — отвечали металлурги.

Никто не признавал ЦКТБ своим детищем. И началась длительная борьба за установление, так сказать, отцовства одного из двух министерств. Это было позарез нужно ради нормального финансирования новинки, создания мощной материальной базы, успешного ее развития. «Отцом» было признано Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, но ЦКТБ не удостоилось ни внимания, ни ласки, оно было на положении пасынка.

Иначе оценили новинку те, кто, будучи далеким от нее по «профилю», терпел бедствия от стихийных сил природы.

К Николаенко приходили работники коммунального хозяйства, местной промышленности, промкооперации и просили, чтобы тот обучил их отливке кровли по своему методу. Изобретатель охотно делился опытом, посылал на места консультантов.

И в разных концах страны один за другим возникло пятьдесят цехов и крохотных заводов, работающих по новой системе. Каждый сам себе изготовлял прокатную машину, настолько она была проста по конструкции, и выпускал для местных нужд кровлю. Кроме заводов, этим занимались артели и даже ремонтные мастерские совхозов. Наряду с урожаем зерновых иные совхозы собирали и скудненький «урожай» кровельного листа.

Так большое и нужное всему народу дело пошло не по естественному руслу современной индустрии, а по руслу кустарщины и самодеятельности. И результаты не замедлили сказаться. При карликовых планах в 138, 200 и 400 тонн кровли в год себестоимость ее оказалась велика, а качество нередко плохим. Этим обстоятельством воспользовались противники новшества (а они есть всюду, и если бы солнце и воздух выдумал человек, то и у него нашлись бы противники), начали компрометировать труды ЦКТБ. Пошли акты, донесения и доказательства ненужности этого творческого центра.

Сотрудник Академии коммунального хозяйства тов. Черемисов обнаружил в нескольких городах халтурную продукцию и сделал витрину брака. При желании он мог организовать десятки витрин листов отличного качества, но это не было нужно Черемисову, ибо он хотел доказать порочность самой идеи литого кровельного листа.

С другой стороны, «секрет» изобретения в те годы тщательно оберегался, информация об опыте Николаенко передавалась по первобытному способу — из уст в уста, открытой же печатной информации не было. И вот директор одного крупного украинского завода читает статью о Николаенко в канадском журнале, издаваемом на английском языке, и рассматривает чертежи его машины. Получив информацию через... Атлантический океан, директор немедленно связывается с изобретателем и строит прокатную машину.

ЦКТБ поддерживает живую связь со всеми пятьюдесятью предприятиями, изготовляющими лист, обобщает и передает опыт, информирует о новейших достижениях. Оно стало мобильным научно-экспериментальным центром, пользующимся широкой популярностью, делающим большое, полезное дело. И несмотря на это, над ним постоянно висела угроза ликвидации. Сделать чугун гибким оказалось куда легче, нежели добиться в иных ведомствах гибкости в работе и понимания простых истин.

Драгоценный профиль

Издавна Евгения Григорьевича увлекала мысль о замене ряда стальных деталей сельскохозяйственных машин чугунными. Это могло принести огромные выгоды государству и приблизить пресловутый профиль ЦКТБ к профилю завода.

И вот после долгих, упорных трудов руководимый Николаенко коллектив создал литейные автоматы, которые отливали массивные стойки плугов из чугуна высокой прочности. При вспашке земель в разных республиках стойки эти показали отличное качество. Новаторы еще раз заменили сталь чугуном, они могли заменить и многие другие детали. И неоценимо было то, что управляемые с помощью кнопок автоматы давали литье без тяжелой для человека операции формовки в земле. Извечный, сумрачный от пыльного тумана, вредный для здоровья литейный цех был упразднен. Предельно облегченный труд литейщиков уподобился труду рабочих механических цехов.

Казалось бы, что уж теперь-то профили сблизились, ЦКТБ и завод словно бы стали родными братьями. Но нет! Директор завода тов. Мирошниченко не признал родства. Подобно своему предшественнику, он стоял на том, чтобы коллектив ЦКТБ и помещения были переданы заводу, а опытами с чугуном пускай-де занимается другое ведомство. Директор хотел отнять помещение, где отливались чугунные стойки плугов, для других нужд.

Получив отпор в обкоме партии, Мирошниченко попытался убедить в том же министра тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Заместитель министра тов. Воронцов выехал в Одессу и, ознакомившись на месте с работами талантливого коллектива, возглавляемого Николаенко, стал его горячим сторонником.

Так была одержана победа в борьбе за существование ЦКТБ. Я говорю «за существование» не случайно, ибо коллектив его, пережив бури и невзгоды, ныне лишь существует, а не живет вполне обеспеченной для прогресса жизнью. И маленький коллектив ждет помощи, ждет с растущей надеждой, особенно сейчас, в ходе всенародного обсуждения тезисов доклада тов. Н. С. Хрущева о дальнейшем улучшении управления народным хозяйством.

В экспериментах рождается истина

В кабинете Евгения Григорьевича я увидел прямоугольные, слегка вогнутые эмалированные листы разных тонов.

— Это облицовочный материал для домов,— пояснил Николаенко, заметив мое любопытство. Он раскрыл альбом и показал фотографии эмалированных домов в Америке — огромное здание театра, булочная, автомобильная станция, коттеджи, дачи-автоприцепы, интерьеры, витрины магазинов...— Пора, пора и нам взяться за это дело! — сказал изобретатель.

Не нужно было обладать особенной фантазией, чтобы представить себе, какие новые изобразительные средства приобретут архитекторы с появлением в их «палитре» разноцветной эмали, какими красивыми могут быть дома с эмалированными фасадами. После каждого дождя такие дома засверкают, помолодеют, и не будет заботы о неустойчивой ремонтной косметике. А кровля, эмалированная кровля... Впрочем, не будет ли она стоить слишком дорого? Нет. Обычную железную кровлю следует менять раз в шесть — семь лет, эмалированная же будет долговечной, а следовательно, самой дешевой в эксплуатации.

Коллектив ЦКТБ разрабатывает технологию изготовления эмалированного листа из гибкого чугуна. Он будет иметь ребра жесткости, чтобы эмаль не трескалась, и будет всего лишь на тридцать процентов дороже простой железной кровли.

На специальной витрине — десятки разнообразных деталей, штампованных из чугунного листа. Здесь нет возможности подробно описать их, скажем лишь, что все это добротно, просто в изготовлении и очень дешево.

В поисках новой технологии Евгений Григорьевич порой выдвигает весьма оригинальные идеи. Однажды на кондитерской фабрике он увидел, как валки, вращаясь, с невероятной быстротой штампуют леденцы. И тут пришла мысль штамповать по этому способу массовые детали из жидкого металла, когда он, остывая, становится тестообразным. Против этого, как и многих других замыслов коллектива ЦКТБ, возражают, спорят противники без конца.

— Но в нашем деле истина рождается не в спорах, а в экспериментах,— говорит Николаенко.— Так пускай дают нам возможность экспериментировать, и тогда посмотрим, кто прав.

Эксперименты нужны, споры — тоже. Но важнее то бесспорное, что уже достигнуто новаторами и в чем остро нуждается наше народное хозяйство. Нельзя дальше терпеть, чтобы ценнейшее открытие — формирование листов из жидкого металла — реализовалось в порядке самодеятельности. Не десятки карликовых заводиков и цехов нужны сегодня для этой цели, а два — три крупных автоматизированных завода, расположенных рядом с металлургическими комбинатами с годовой программой в сотни тысяч тонн листа.

Новое дело даст государству миллиардные прибыли, а главное, кровля для наших домов и дешевые листы для всевозможных нужд промышленности будут в большем изобилии. Вот это могло быть раньше, если бы не заскорузлая неповоротливость тех ведомств, которые годами тормозили решение столь важной, насущной проблемы.

Надо, наконец, зажечь для ЦКТБ зеленый свет, открыть ему широкие просторы для новых поисков и дерзаний, надо сделать его сильным научно-экспериментальным центром новой передовой отрасли производства изделий из металла.

Кадр из документального фильма «Это не должно повториться!». Перед рабочим собранием выступает вождь германского пролетариата Эрнст Тельман.

Новое издание сочинений И. Ильфа и Е. Петрова

Комиссия по литературному наследству И. Ильфа и Е. Петрова приступила к подготовке собрания их сочинений, которое предполагается выпустить в шести томах.

Впервые творчество замечательных советских сатириков будет представлено так полно. Первое собрание их сочинений, вышедшее в 1938—1939 гг. в четырех томах, включало лишь романы «Двенадцать стульев», «Золотой теленок», избранные рассказы, фельетоны и «Одноэтажную Америку». В подготовляемое ныне издание, кроме этих произведений, войдут многие рассказы, фельетоны, пьесы, сценарии, либретто, дневники, записные книжки и т. п.

Если сатирические романы И. Ильфа и Е. Петрова выпускались после войны три раза, то фельетоны и рассказы давно стали библиографической редкостью. Многие из них печатались под псевдонимами: «Холодный философ», «Ф. Толстоевский», «Дон-Бузилио», а также менее распространенными: «Коперник», «А. Немаловажный» (псевдоним И. Ильфа), «Иностранец Федоров» (псевдоним Е. Петрова) и другими. Идет сложная и кропотливая работа по сбору произведений, рассеянных в периодических, порой малоизвестных изданиях.

Большой интерес представит заключительный том нового собрания сочинений, состоящий из произведений, написанных И. Ильфом и Е. Петровым не в соавторстве, а раздельно. Многое здесь совсем не известно читателям.

В «ильфовской» части тома будут опубликованы его записные книжки. Меткие, острые, полные тонкого юмора, они не раз печатались в журналах, «Литературной газете» и выпущены отдельным изданием в 1939 году. Сейчас в «Советском писателе» готовится к выпуску второе, расширенное издание записных книжек И. Ильфа, которое будет дополнено множеством новых записей. Вот некоторые из них: «Не в силах отвести глаз от витрин, так и не заметил он Стамбула и Афин», «Вино требует времени и умения разговаривать. Поэтому американцы пьют виски», «Настроение было такое торжественное, что хотелось вручить ноту». С еще большей полнотой записные книжки — их сохранилось 36 — будут представлены в новом собрании сочинений.

В этом томе публикуются и письма И. Ильфа разных лет, в частности письма из США, представляющие собой, по существу, «заготовки» к «Одноэтажной Америке». Некоторые страницы этой книги были как бы написаны вчерне еще тогда, в минуты короткого отдыха между бесконечными переездами из штата в штат. Делясь своими первыми впечатлениями, рассказывая о том, что успел увидеть, И. Ильф писал в ноябре 1935 года из Нью-Йорка жене:

«...Только что я пришел со спектакля «Порги и Бесс». Это опера из негритянской жизни. Спектакль чудный. Там столько негритянского мистицизма, страхов, доброты и доверчивости, что я испытал большую радость. Ставил ее армянин Мамульян, музыку писал еврей Гершвин, декорации делал Судейкин, а играли негры. В общем, торжество американского искусства... После спектакля Мамульян повел нас за сцену, чтобы мы сказали труппе несколько слов. И, конечно, самая негритянская негритянка вдруг заговорила по-русски. Оказывается, до революции она 8 лет выступала в России. Потом откуда-то пришла индианка и тоже стала говорить по-русски...»

Многие письма содержат высказывания по вопросам литературы. В этой же части тома будут напечатаны фельетоны и очерки И. Ильфа 1924—1932 гг.

Произведения Е. Петрова будут представлены в томе воспоминаниями об И. Ильфе, фронтовыми дневниками, пьесой «Остров мира», сценарием «Воздушный извозчик», ранними рассказами и фельетонами. Впервые будут опубликованы сценарий «Тиха украинская ночь» и начало «Неоконченного романа», над которым писатель работал в последний период жизни.

***

В этом году исполняется 20 лет со дня смерти И. Ильфа и 15 лет со дня гибели Е. Петрова. Комиссия по литературному наследству писателей, в которую вошли К. Симонов (председатель), В. Катаев, Г. Мунблит, С. Михалков, А. Бортник, М. Ильф-Файнзильберг и В. Петрова-Катаева, обратилась с просьбой ко всем лицам, учреждениям, располагающим материалами, связанными с жизнью и творчеством И. Ильфа и Е. Петрова, предоставить их в ее распоряжение.

Молдавские писатели в Москве

В Москву прибыла группа русских писателей, живущих и работающих в Молдавской ССР. В Союзе писателей СССР два дня шло обсуждение их книг и рукописей. Председательствовали на собрании Г. Марков и Ю. Лаптев.

Большое внимание участники обсуждения уделили поэтам-сатирикам Е. Копылову и Г. Перову. В связи со сборником Г. Перова «Своя улыбка» А. Жаров, М. Пустынин, А. Турков, М. Максимов говорили о состоянии жанра басни в наши дни.

Много теплых слов, но и много серьезных замечаний было высказано А. Жаровым, М. Лисянским, К. Мурзиди, В. Глущенко о творчестве молодого поэта К. Ковальджи.

Е. Златова, Н. Асанов, А. Кузнецова, С. Бабенышева, С. Баруздин, П. Сажин, Е. Леваковская, В. Архангельский посвятили свои выступления книгам прозаиков — Л. Мишенко «Над рекою ласточки...», И. Герасимова «Люди из города» и «Мои соседи», М. Отрешко «Дела текущие», С. Пасько «Под зеленым шатром».

Некоторые произведения рекомендовано издать в центральных издательствах.

Л. ШЕЙНИН

Внимание, говорят документы!..

Помнится, в Нюрнберге, на процессе главных немецких военных преступников, был один незабываемый день. В судебном зале погасили свет,—только скамья подсудимых была чуть подсвечена синими лампочками, чтобы можно было видеть лица подсудимых, — и на большом экране начали давать показания не совсем обычные свидетели — кадры немецкой кинохроники за последние 12 лет...

Это были уже не «немые свидетели», как называют вещественные доказательства криминалисты, это были свидетели, говорящие во весь голос, их показания были бесспорны, доказательная сила этих показаний разительна и неопровержима равно для всех — для обвинения и для защиты, для суда и для подсудимых...

Еще накануне, например, заметно отощавший Геринг клятвенно заверял судей, что он «никогда, никогда не разделял идиотской теории мирового господства», а теперь, на экране, он сам, своим собственным голосом, орал во всю глотку о том, что «великая Германия должна стать господином мира» и в этом и состоит ее «священная миссия и главная цель второй мировой войны»...

Весь этот день, утром, днем и вечером, притихший судебный зал рассматривал эти кинодокументы, десятки тысяч метров немецкой кинохроники, заснятые за двенадцать лет затянувшегося фашистского кошмара, стоившего жизни многим миллионам людей, превратившего в руины тысячи городов Европы, разрушившего величайшие исторические памятники и произведения искусства, созданные неповторимым и вдохновенным трудом лучших людей многих веков.

Чудовищная трагикомедия фашизма, кадр за кадром, месяц за месяцем, злодеяние за злодеянием, раскрывалась на экране в этом судебном зале, к которому была обращена в те незабываемые дни совесть всего мира, закономерно рассматривавшая этот процесс как суд истории.

А на экране трещали нацистские барабаны, германские промышленники благосклонно улыбались своему новому козырю в задуманной ими азартной игре, ставкой в которой был весь земной шар, — дегенерату с выпученными глазами и свисавшей на узкий лоб дурацкой чёлкой; гремела медь фашистских парадов, геббельсы всех мастей истерически вопили о «коммунистической опасности»; на площадях пылали библиотеки; десятки тысяч людей без следствия и суда заключались в концлагери; лихорадочно сколачивались новые дивизии, маршировали новобранцы, поспешно отливались пушки; бешеная пропаганда, развернувшаяся на средства, щедро отпускаемые промышленными «королями», отравляла сознание миллионов людей, которых надо было подготовить к поджогам и убийствам, подготовить к войне...

И вот престарелый Гинденбург, кайзеровский генерал-фельдмаршал, хвастливо заявивший в начале первой мировой войны, что «на меня война действует, как целебная ванна», теперь, в потсдамской гарнизонной церкви, под треск юпитеров и кинокамер, торжественно благословляет нового «канцлера» Адольфа Гитлера, бесноватого ефрейтора, на подготовку новой мировой войны...

А за спиною опухшего от старости и подагры Гинденбурга и тощего, кривоногого Гитлера, надувшегося от важности, стоят их подлинные и неизменные хозяева — Круппы и Тиссены, Флики и Симменсы, Стиннесы и Блайхредеры, промышленные магнаты и банкиры, крупнейшие помещики и ростовщики.

Так это все начиналось. И потом, день за днем, рассказывал голубоватый экран судебному залу, рассказывал истории и всему миру, как развивались события, как начиналась война, как убивали миллионы людей во имя военных прибылей кучки главных военных преступников, замысливших стать господами мира...

Кому из нас, сидевших тогда в этом судебном зале, кому из тех, кто, не присутствуя в нем, следил изо дня в день за отчетами исторического судебного процесса, продолжавшегося почти год, кому могла тогда прийти в голову мысль, что через каких-нибудь несколько лет на свете найдутся люди, которые посмеют забыть этот трагический урок истории, забыть ужасы минувшей войны, и многие миллионы мертвецов, и руины Европы, и газовые камеры, и слезы матерей?!.

Но вот, в наши дни, мы снова видим знакомые зловещие лица и слышим знакомые слова. И снова, как и много лет назад, все те же Круппы и Флики, вместе со своими заокеанскими компаньонами, сколачивают новые германские дивизии, снова торжественно маршируют под треск барабанов новые полки, и командуют ими даже те самые военные преступники, фамилии которых нам известны по материалам нюрнбергского процесса...

Обо всем этом рассказывает новый документальный фильм «Это не должно повториться!», созданный германской киностудией «ДЕФА». В результате двухлетних поисков режиссеры этой киностудии нашли и смонтировали подлинные кинодокументы исторической хроники Германии с 90-х годов прошлого столетия до наших дней.

Немецкие кинематографисты создали в результате этой большой работы хроникальный фильм, значение которого трудно переоценить.

В этом удивительном фильме нет ни искусных режиссерских выдумок и мизансцен, не участвуют в нем знаменитые актеры, еще немы его первые кадры, — ведь кино и в самом деле было тогда еще немым! — нет в нем сверкающих красок цветного кино, нет специально отобранных пейзажей, нет специально написанной музыки — нет!..

Но есть в этой удивительной, взволнованной и честной картине великая и строгая правда самой истории, та самая неповторимая правда жизни, которая не нуждается ни в украшательстве, ни в комментариях, ни в режиссуре, потому что ведь жизнь и есть самый великий режиссер!..

И снова, как и тогда в Нюрнберге, трепетно следит притихший и взволнованный зал за кадрами старой хроники, смонтированными в этом поразительном фильме. Трагические и грозные события первой половины нашего века оживают на экране. Кинематограф чудодейственно переносит нас на много лет назад, и мы снова видим то, что не имеем права, не смеем никогда, ни за что, нигде забывать!

— Смотрите, люди, — как бы говорит нам этот фильм, — смотрите и помните: вот как все это было в начале века, вот как, почему и для кого готовилась первая мировая война; вот те, кто ее готовил, — германские промышленные «короли»; вот их лица, их биографии, их богатства, которые они хотели приумножить ценою войны; вот их маршалы и генералы, кровавые холуи своих хозяев; вот их пышные мундиры и пышные клятвы, их лживые лозунги и заверения, которыми они обманывали миллионы людей, отравляя, как наркотиками, их сознание, чтобы заставить их отдать свои жизни и лишать жизни других во имя этих «королей»; вот как все это случилось, и вот к чему это привело, смотрите, запоминайте, будьте бдительны!..

А вот как через много лет это снова началось, началось в тех же разбойничьих целях, во имя корыстных интересов той же ничтожной кучки людей, теми же методами и способами, с теми же лживыми и преступными лозунгами, смотрите, запоминайте, не дайте в третий раз себя обмануть!..

И на экране, кадр за кадром, год за годом, идут трагические события подготовки и осуществления второй мировой войны.

Не случайно, что зловещая эстафета передается в руки новых убийц «героями» первой мировой войны. Не случайно, что Гинденбург передает ее Гитлеру, а за их спинами все те же Круппы, Флики, Симменсы, не случайно!..

Не случайно, что мы видим одни и те же лица, одни и те же цели, одну и ту же географию, слышим одни и те же речи и лозунги, не случайно!..

И если в первую мировую войну зловещее имя Берты Крупп было присвоено знаменитой пушке, обстреливавшей Париж, то в наши дни новые пушки и орудия отливаются на заводах того же Круппа, в той же Германии, в тех же целях.

Так раскрывается подлинными документами вся дьявольская кухня подготовки новой мировой войны. И сегодняшние главные военные преступники в угаре, дыму и копоти своей дьявольской кухни так торопятся, что даже не имеют времени спрятать в воду концы: вчерашние гитлеровские генералы, объявленные военными преступниками, под теми же фамилиями и почти в тех же самых мундирах сегодня командуют новыми германскими дивизиями. Вот они, эти фамилии и эти уголовные биографии,—Кессельринг, тот самый Кессельринг, который был присужден, как преступник, к смертной казни международным судом, теперь освобожден и снова возглавляет фашистский «Стальной шлем». Генерал Хойзингер, разрабатывавший в штабе Гитлера планы нападения на страны Европы, призван на службу в НАТО. Гитлеровский генерал Шпейдель — автор «тактики сожженной земли», на совести которого тысячи взорванных городов, кровь и слезы миллионов людей, — вступил на пост командующего сухопутными силами НАТО в Центральной Европе.

Флик, тот самый Флик, который сидел на скамье подсудимых в Нюрнберге, дрожа от страха перед виселицей, хорошо сознавая, что он вполне ее заслужил,—этот самый Флик сегодня снова управляет своими военными заводами и своими миллионами, потому что он, как и Крупп фон Болен, как и десятки других, несмотря на то, что они были осуждены и признаны преступниками международным судом, теперь снова освобождены и стоят у власти в Западной Германии...

А Венк, а Манштейн, а многие другие?!.

Те же лица, те же цели, те же методы!..

Да, это не должно повториться, и трудно найти более верное название для этого документального, честного, волнующего фильма!

Но для того, чтобы это не повторилось в третий раз, как уже однажды повторилось во второй, не надо забывать об истории и надо помнить о том, как это случалось, кто это организовывал, в чьих интересах все это делалось...

Есть события, которые кощунственно забывать.

Есть события, о которых надо напоминать настойчиво и терпеливо, взволнованно и смело.

Есть события, которые человечество может и обязано предупредить...

Фильм «Это не должно повториться!» честно служит этим большим, благородным, поистине всечеловеческим задачам, самым главным задачам наших дней!..

Кадр из документального фильма «Это не должно повториться!». Последний германский кайзер Вильгельм II в карете с пушечным королем Круппом.

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ А. П. ДОВЖЕНКО

Совет Министров Украинской ССР принял решение об увековечении памяти выдающегося писателя-кинорежиссера Александра Петровича Довженко. В соответствии с этим решением в течение 1957—1958 гг. будет издано полное собрание его произведений. Киевской киностудии художественных фильмов, сосницкой средней школе Черниговской области, а также вновь построенному пароходу, предназначенному для обслуживания линии Киев—Чернигов, присвоено имя А. П. Довженко.

В проектно-художественных мастерских Международного подготовительного комитета VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. На снимке: **архитекторы Ростислав Гвоздев** (справа) **и Виталий Поздняков делают эскизы художественного оформления московского транспорта.**

Фото Л. Портера и М. Редькина

Переписка с Эльзой Триоле

Читательские конференции стали хорошей традицией в жизни коллектива московского завода «Компрессор». Рабочие и служащие «Компрессора» горячо обсуждают новинки советской литературы, произведения прогрессивных писателей зарубежных стран. В конференциях принимали участие Илья Эренбург, Константин Симонов, Борис Полевой, зарубежные писатели Анна Зегерс, Халлдор Лакснесс и другие.

Последняя, 30-я по счету, конференция собрала более 800 читателей. Она была посвящена обсуждению сборника французской писательницы Эльзы Триоле «Неизвестный» и другие рассказы». После вступительного слова Александра Исбаха своими впечатлениями о книге поделились фрезеровщик Анатолий Потапов, конструктор Наталья Давыдова, токарь Владимир Лопухин, технолог Ольга Самохина, инженер-литейщик Сергей Жуковский, инженер Ирина Велемицина и редактор заводского радиовещания Берта Хазовская.

В работе конференции приняли участие Лев Никулин и Борис Полевой.

Стенограмму читательских выступлений мы послали в Париж. Эльза Триоле ответила читателям большим письмом.

Рассказывая о творческой истории своей повести «Неизвестный», Эльза Триоле пишет: «После героической эпохи Сопротивления, восторга Освобождения, во Франции наступили послевоенные дни жестокого разочарования и горечи. Ко времени написания «Неизвестного» в стране уже подняли голову фашисты, а вернувшиеся с фронта, из плена, из маки молодые люди, отвыкшие от работы, привыкшие к партизанской, фронтовой жизни, не разбирались в новом положении вещей, не знали, куда им деваться... Именно среди таких, сбитых с толку людей впоследствии набирались добровольцы для войны в Корее и в Индо-Китае, а также для черной работы внутри страны...

В «Неизвестном» я пыталась показать не отрицательный тип, а отрицательное явление, показать жертву войны. Обвинительный приговор вынесен здесь не Антонену Блонду, а тому, что его породило. Я писала эту книгу, как воззвание: посмотрите, что война сделала с человеком, помогите ему, он разбит, ему одному не справиться с жизнью...»

В своем письме Эльза Триоле подробно отвечает на замечания читателей. «Вот самое ценное, самое удивительное для меня, как писателя, замечание, — пишет она. — В своем выступлении на читательской конференции тов. Жуковский сказал, что все мои герои «несут на себе горб противоречий, которым они подчинены, поэтому и жизнь у них получается полная неожиданностей, противоречий, непредвиденных крутых поворотов. Основную роль в их судьбе играет случай... Будущее человека не подготовляется его сегодняшним днем...» Суждение это помогает моему писательскому сознанию, так как сама я этой общей черты моих героев не осознала.

А между тем то, на что указывает тов. Жуковский, может быть, одна из характерных черт человека, выросшего в условиях капитализма, но оторванного от буржуазной мечты о будущем, мечты о банковском счете. Ему нечем ее заменить, и он не находит себе места, не знает, к чему применить свои молодые силы... Мечта о будущем настолько характерна для страны социализма, что она-то и выявляет разницу между нашей, западной молодежью и молодежью страны, где строится социализм и где будущее человека подготовляется сегодняшним днем».

В заключение Эльза Триоле дружески благодарит читателей за внимание и помощь.

Ст. ИВАНОВ

Сокровищница писательской души

Выпишите и пересчитайте названия книг, имена писателей, художников, музыкантов, на произведения которых ссылается А. А. Фадеев в своих «Субъективных заметках» («Новый мир», № 2, 1957 г.), — это будет хранилище произведений искусства, сокровищница, умещавшаяся в душе писателя.

Александр Александрович Фадеев принадлежал к тому поколению советских людей, перед которым Владимир Ильич в своей знаменитой речи на Третьем съезде комсомола развернул программу непосредственного осуществления коммунизма в нашей стране. Владимир Ильич говорил в этой речи о задачах критической переработки всего, что было накоплено человеческим обществом до коммунизма; и мы видим, как А. А. Фадеев, кого бы он ни читал — родных ли классиков русской литературы, или высоко ценимых им писателей-реалистов французских или английских, говорит ли он о живописи или о музыке, — его живой и деятельный творческий ум рассматривает каждое произведение искусства всегда с точки зрения созидательных задач нашей культуры, нашего искусства, в конечном итоге — с точки зрения разработки метода социалистического реализма.

Подвергая критике свои еще незрелые и неверные взгляды на литературу, наиболее резко выразившиеся в статье «Долой Шиллера», Фадеев совершенно справедливо пишет, что он «раньше всех «догадался», насколько старые обозначения школ и течений не соответствуют их действительному месту (в смысле художественного метода), и понял, что, например, и Свифт, и Толстой, оба по-своему реалистичны...», и «тем самым «догадался» об исключительном **разнообразии** художественных средств выражения в пределах реализма, а тем более — социалистического реализма».

Мысль о нашей советской литературе не покидает А. А. Фадеева ни на минуту. Рассматривая взгляды Белинского на Кольцова, он записывает: «Многое, сказанное Белинским о Кольцове, применимо к нашему Исаковскому, исключительно народному таланту, также все еще недооцененному. Но справедливость требует сказать, что Исаковский и по мысли, и по форме выше Кольцова».

Все, что в «Субъективных заметках» написано А. А. Фадеевым о реализме и романтизме, о Пушкине, о «генеалогии» русской классической литературы, — все это является дальнейшей разработкой его юношеских «догадок» о несоответствии старых школьных обозначений литературных школ действительному месту писателей в истории литературы. Особенно интересно то место, где он пишет, что «образ Татьяны, обобщенный, собранный из... разрозненных черт в единый идеализированный образ русской девушки и женщины, есть величайшая победа реализма, который **без** мечты, **без** должного, то есть **без романтики**, не есть реализм».

Творчество Тургенева вызывает у А. А. Фадеева восторг. «И я бы сказал, в наше время, такой способ изображения юности, женской красоты — это то, чего недостает нашей литературе, которая чрезмерно натуралистична, приземлена. Нашей молодежи нужно такое «идеальное» изображение именно **этой стороны** жизни, ибо она стремится к ней, — наша молодежь в этом смысле сама будет идеальной еще на глазах нашего поколения, эти черты в ней надо развивать. Нашим учителям в школах надо больше, как можно больше рекомендовать молодым людям читать Тургенева».

Эта способность плодотворного, критического усвоения классического наследия сказалась и при рассмотрении А. А. Фадеевым творчества Достоевского.

Александр Александрович пишет о стилистическом сродстве Достоевского с... Чернышевским, о «разночинской манере» этих двух таких непохожих писателей.

Достоевский и Чернышевский — это «антиподы, выросшие из одного корня, но пошедшие противоположными путями», — записывает А. Фадеев, и это утверждение, конечно, могло бы быть развито в особой работе по истории русской литературы, в которой, добавлю от себя, не обойтись без рассмотрения другого антипода Достоевского — Салтыкова-Щедрина, стилистическое сродство которого с Достоевским нашло особенно яркое выражение в «Господах Головлевых».

При чтении Бальзака А. А. Фадеев записывает: «Слияние, вернее, синтез реализма и романтизма подымают реализм на более высокую ступень. Что это значит? Правда жизни, обогащенная мечтой, т. е. будущим, в условиях нашей жизни, которая развивается к совершенству, к добру, — это ли не величайшая степень реализма? Вот в чем формула социалистического реализма».

А. Фадеев с сочувствием приводит слова исследователя творчества Диккенса, Честертона о том, что «жизнерадостность и оптимизм Диккенса имеют народные корни». «Наши современные романы, — говорит Честертон, — в большинстве случаев, изображают людей из интеллигентных слоев общества и рисуют их такими, какими они являются на самом деле, тогда как народное творчество создает образы непомерной величины, описывает героев-полубогов».

Творчеству самого А. Фадеева было глубоко родственно именно это соединение героизма и реализма, оно поразило меня при чтении его первой, во многом еще несовершенной повести «Разлив». Разработкой героического характера в его реалистическом выражении занят А. Фадеев и в «Разгроме», и на протяжении многолетней работы над «Последним из удэге», и, наконец, эта работа увенчивается блестящим успехом в «Молодой гвардии». И чтобы понять то органическое неприятие Чехова, которое при наличии большого уважения к этому писателю было свойственно А. А. Фадееву, необходимо принять во внимание именно эту особенность творчества Фадеева.

Представления Александра Александровича о творчестве А. Чехова кажутся мне спорными... Но ведь он не случайно назвал свои заметки «субъективными», — в них выразились со всей естественностью и откровенностью индивидуальные особенности развития писателя, самой личности его.

А. А. Фадеев почувствовал «трогательно-прекрасную сторону души» Белинского. Думаем, что эта черта была свойственна и самому Александру Александровичу Фадееву, — все мы, друзья его, испытали на себе эти трогательно-прекрасные проявления его души!

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

Литературная хроника

К 40-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ В Новосибирске состоялось открытое партийное собрание писателей, на котором обсуждалась подготовка к празднованию 40-летия Советской власти. Были заслушаны доклад редакции журнала «Сибирские огни» и рассказы о творческих планах писателей А. Коптелова, К. Урманова, С. Залыгина, поэта Л. Чикина и других.

У ЛЕНИНГРАДСКИХ КРИТИКОВ Широкая дискуссия возникла у ленинградских критиков вокруг книги Е. Добина «Жизненный материал и художественный сюжет». Выступившие, отметив ее бесспорные достоинства, в то же время высказали ряд критических замечаний. Несколько раньше в Доме писателя имени Маяковского обсуждалась книга Б. Бурсова «Мастерство Чернышевского-критика».

ТВОРЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ПОЭТА В Союзе писателей Казахстана состоялся творческий отчет одного из старейших казахских поэтов Г. Орманова. Доклад о его творчестве сделал М. Дуйсенов.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ «ПЯТНИЦЫ» Они регулярно проводятся Иркутским отделением Союза писателей, привлекая любителей литературы, в числе которых много студентов, научных работников, журналистов, членов литературного объединения.

«Пятница» всегда день горячих споров, дискуссий. Недавно участники очередной «пятницы» обсудили стихи инженера со строительства Братской ГЭС Л. Хрилева, диктора радиокомитета В. Вронского, судомеханика Ф. Мелентьева, поэтессы Е. Шилинной, повесть журналиста Д. Мимонова «Зеленая ель».

НОВЫЙ СЕКТОР При Институте русской литературы (Пушкинский дом) создан сектор по изучению взаимосвязей русской и зарубежной литератур. Руководителем сектора назначен член-корреспондент Академии наук СССР профессор М. Алексеев.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Редакция «Літературної газети» выражает благодарность всем организациям, коллективам и отдельным лицам, приславшим свои поздравления и пожелания в связи с 30-летием газеты и награждением ее Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Украинской ССР за заслуги в развитии украинской советской литературы.

Редакция «Літературної газети».

КИЕВ

Морковная сатира

Всякие бывают сказки. Волшебные. Бытовые. Ну, скажем, еще героические или смешливые, отмеченные умом шутника, забавника. Народ наш богат на выдумку, щедр на юмор, на насмешку. Существуют также сказки сатирические, социально острые, обличительные. Все знают, что такие сказки писал великий Щедрин. Писатель-сатирик создал в русской литературе самобытный жанр сказки, глубоко демократической по содержанию.

К сожалению, наши сатирики не так часто балуют читателей. Сатирические произведения — весьма редкие гости на страницах «толстых» журналов. Было приятно видеть, что новый журнал «Москва» не забыл этот жанр. В первом номере «Москвы» писатель Л. Лагин напечатал несколько своих произведений под общим заголовком «Обидные сказки». «Сказки бывают разные, — пишет автор. — Бывают безобидные, бывают обидные. Эти сказки — обидные».

Читаем, перечитываем лагинские сказки. Что же все-таки в них обидного? Бытовые пустячки, знакомые анекдотики, уже где-то слышанные, изрядно понадоевшие, — вот ведь что служит, так сказать, основой этих сказок-басен. Возьмем сказку под названием «Морковные страсти». О чем она рассказывает? О бедном зайчишке, которого тупые начальники выдвинули заведующим морковным складом. Как быть зайцу? Ведь он морковку-то любит! Ему сказали: «Возьми себя в лапы и крепись». Похудел заяц, начальники смекнули, что так крепиться зайцу невозможно, и повелели «навешивать ему на губы висячий замок и запирать на два оборота». Схитрил заяц — подобрал ключик к замку. Тогда начальники устроили совещание и назначили для обслуживания зайца целый штат, даже работника отдела кадров предусмотрели. А заяц занемог.

«Доктора говорят — не жилец он на этом свете. Но Заяц — это еще только полбеды. А куда прикажете девать остальных? А ведь у каждого семья. Срочно ищут другого зайца».

Увы, где же тут острота, которая бы обижала бюрократов, где социальный заряд, который бы делал эту сказку сатирически-смешной, обличающей. Уж очень мелковата сама авторская задача, беден язык, нарочито стилизовано изложение. Рассказан заурядный пустячок, действительно, из «заячьей» жизни — и только. А начальники совещания притянуты к заячьим губам!

Может, в других сказках Л. Лагину удалось произнести что-то свое, оригинальное в избранном им жанре? Посмотрим. В «Стакане воды» автор вытягивает на свет божий давнишний анекдот о словоохотливом ораторе, по фамилии Сидоров, которому подали стакан обыкновенной кипяченой воды вместо полагающегося для такого случая чая с лимоном. Обнесли, как говорится, Сидорова: всем ораторам подавали чаек с лимоном, а ему простую воду! Сидоров сконфузился, «что-то такое довольно несусветное забормотал» и без аплодисментов покинул трибуну. И вокруг этого пустячка автор пытается поострить. Оказывается, шеф-повар даже справку выдал, удостоверяющую, что воду Сидорову подали без злого намерения, а просто заварка кончилась. Но доказывай, дескать, справкою, когда карьера Сидорова так неожиданно оборвалась.

И невольно нам вспомнился чеховский рассказ о чиновнике, который в театре чихнул на лысину генералу, а потом умер от страха. На основе, казалось бы, невероятной юмористически-курьезной ситуации Чехов создал одно из лучших своих сатирических произведений. А в сказке Лагина вода в стакане осталась обыкновенной кипяченой водой, а факт с бедным Сидоровым — заурядным, анекдотическим фактом. Ни сатиры, ни характера...

Почему автор называет свои сочинения сказками? Скорее всего — это назидательные басенки в прозе. Но ведь и в них должна быть острота. Всего этого не сыщешь в сказках Лагина. Разве несут они гражданское беспокойство за все то, что действительно мешает нашей большой народной жизни? Если у читателя и возникнет чувство обиды, то только за журнал, который предоставил свои страницы имитации под сатиру, лишенную серьезного общественного содержания. А жаль! Все творчество Л. Лагина свидетельствует о том, что он может писать более глубоко, остро и содержательно.

ЛИТЕРАТОР

К ДЕКАДЕ ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА В МОСКВЕ

НАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Народное признание! Это ли не подлинное счастье, не высшая награда для писателя? А таджикский народ почитает и любит Садриддина Айни. Неграмотные старики с Памира, чьи руки никогда не держали книг, знают все написанное устодом* Айни. Они расскажут вам о героях Айни и, словно продолжая начатое им повествование об истории народа, добавят к «биографиям» этих героев новые вехи. В кишлаках слагаются песни о Едгоре и Гульнор — персонажах романа «Дохунда». Имя Кори Ишкамбы — главного персонажа повести «Смерть ростовщика» — стало для народа символом скупости, подлости, лицемерия. Романы и повести Айни обсуждаются на читательских конференциях в колхозах и школах, на заводах и пограничных заставах. В литературном и литературоведческом наследии Айни ученые черпают ценные сведения о культуре, истории, быте, литературе, языке таджикского народа. Для писателей республики произведения Айни — учебник художественного мастерства. К его книгам, как к друзьям, обращаются люди различного душевного склада, различного возраста и профессии — за советом и за поддержкой, с радостью и печалью. Женщина, испытавшая самую горькую из потерь — утрату ребенка, выплачется над рассказом о Соро, обаятельнейшей из героинь Айни (повесть «Сирота»), и о старой Биби-Оиша (повесть «Одина»). Влюбленные с трепетом будут следить за развитием целомудренного, всепобеждающего чувства Гульнор и Едгора, самоотверженных борцов за Советы («Дохунда»). Девушка, столкнувшаяся с проявлением старомусульманского отношения к себе, решится смело противостоять ему, вдохновленная мужеством Хабибы («Воспоминания») и Мухаббат («Рабы»).

Для народа нет художника ближе и понятнее, чем тот, который правдиво рассказал о своем народе — его прошлом и настоящем, устремлениях и борьбе, поражениях и победах, думах и чувствах.

Творчество Айни — талантливое, мудрое сказание о таджикском народе, о его длительном и тернистом пути к социалистической революции. В его произведениях впервые за тысячелетнее существование таджикской литературы творцами истории показаны простые труженики. Айни увидел свой веками угнетенный и бесправный народ как вершителя собственной судьбы и показал в людях труда добрую силу и свободолюбие, тягу к социальной правде и справедливости, мужество и самоотверженность еще в старые, мрачные времена, показал их величие после Октября, когда они осознали себя хозяевами своего будущего. И в героях Айни, душевно красивых, талантливых, трудолюбивых, народ узнал себя.

Такой творческий подвиг оказался Айни по плечу потому, что он всю свою долгую жизнь (1878—1954 гг.) прошел вместе с народом. Сын дехканина, он рос среди крестьян и сельских ремесленников. Они научили маленького Садриддина любить труд, уважать тех, кто пашет землю, потом добывает хлеб; разбудили в нем страсть к поэзии и песне, заронили мечту об учении. Горести и надежды, мечты и раздумья трудовой среды — все это было крепкой, здоровой закваской в формировании его характера.

Жажда знаний двенадцатилетним подростком привела Садриддина в Бухару. Трудно сказать, на что ему приходилось больше тратить время — на зубрежку религиозных догматов и заумное комментирование «ученых» книг в медресе или на стирку халатов у богатых людей, приготовление плова для сынков мулл, приведение в порядок счетов у купца — ради куска лепешки. И все же бродившая в нем закваска наполняла его дни поэзией. В Бухаре он долгими ночными часами «общался» с великими классиками Хафизом и Саади, Бедилем и Фузули, Камолем Худжанди и Ахмадом Донишем. А главное, даже получив доступ в кружки ученых, поэтов и музыкантов, он с жадностью изучал быт и нравы простых людей, низов бухарского общества, его властно влекли к себе судьбы отверженных и обездоленных, ему не давали покоя их страдания, а их оптимизм, душевная чистота, вера в счастливое завтра поддерживали его в часы горя и испытаний.

И разве мог сын народа Айни не приветствовать вместе с народом Октябрь? С ликованием поступил он «40-летним учеником в школу Октября».

В центре внимания Айни всегда был процесс революционного пробуждения и борьбы таджиков. Он прежде всего обращался к поворотным, самым драматическим моментам этой борьбы, к этапам, когда наиболее жестоко разыгрывались классовые битвы, предельно обнажалось существо старого мира и его представителей, особенно бурно проходил процесс духовной эволюции трудового народа, угнетаемого жестокими путами феодализма, лживыми наставлениями ислама, изуверскими законами шариата. Творческие особенности Айни требовали от него качеств художника-бытописателя и историка-исследователя. Эти качества он счастливо сочетал, что сообщило его произведениям замечательные свойства — правду жизни и правду историческую, научную.

Воздействие творчества Айни на всех этапах развития советского общества в Таджикистане было непосредственным, ясно ощутимым. С самого начала послеоктябрьского творчества Айни, помогая партии и власти Советов, своим художественным словом включился в борьбу за умы и сердца, за будущее таджиков. И в процессе этой борьбы расширялся кругозор писателя, углублялось понимание законов общественного развития.

Только-только свершилась в Бухаре революция. Свергнутый эмир собирал под знамя газавата басмаческие банды. И словно проклятие вслед умиравшему, но все еще страшному эмирату прозвучала повесть-памфлет Айни «Бухарские палачи» (1920—1922 гг.).

Рассказывая в этой повести о неудавшейся попытке свергнуть в марте 1918 года эмират, писатель с глубоко реалистической беспощадностью рисует широкую картину жизни старой Бухары, разоблачает ее преступность, гнилость, паразитизм. На народный суд выводятся ничтожный развратник эмир, продажная знать, растленные, омерзительные муллы. Гневно бичуются их насилия, их отвратительная мораль.

Повесть «Одина» (1924 год) была столь же своевременной книгой. В те годы важнейшей задачей было привлечь внимание советского актива, таджикской общественности к нуждам и запросам трудового дехканства, вызвать у трудящихся осознанную ненависть к еще сильным и влиятельным представителям свергнутого, но не уничтоженного феодального мира. «Одина» — самое раннее в таджикской советской литературе произведение о первых шагах таджикского дехканства к борьбе с эксплуататорским строем, к революции.

Разные судьбы, разные характеры у представителей народа, выведенных в повести, но в них, обездоленных, страдающих, темных, Айни увидел возможности, силы, великое будущее своей страны. Батрак Одина, изгнанный нуждой из кишлака, поступает на хлопкоочистительный завод. Здесь он проходит первую школу классовой борьбы. Правда, Октябрь он встречает смертельно больным, но мы видим, что это его, сделанная для таких, как Одина, революция. Писатель здесь, как и в «Бухарских палачах», страстно разоблачает, гневно отрицает старый мир, старую Бухару. Но он здесь, в отличие от первой повести, и утверждает — не менее страстно, горячо и убежденно, — что идеал, цель, к которой должен стремиться таджикский народ, — Советская власть, социализм.

В «Бухарских палачах» своеобразно сочетались элементы новой для таджикской литературы художественно-публицистической прозы с новаторски примененными элементами старой дидактической, или сказочно-приключенческой, прозы (ее композиция основывалась на цепи самостоятельных новелл, объединенных лишь очень условной общей канвой; в ней не было развивающихся человеческих характеров). В «Одина» Айни еще не преодолел отрицательных традиций национальной прозы. Поэтому образ главного героя повести Одины, батрака, прошедшего путь рабочего-поденщика, образы рабочих хлопкоочистительного завода в значительной мере статичны, не лишены сентиментальности. Тем не менее в этой книге Айни делает большой шаг вперед в овладении не только новым содержанием, но и новым жанром реалистической повести.

Наступил новый период. Нужно было готовить народ к социалистическому строительству. Роман «Дохунда», опубликованный в 1930 году, — это широкое художественное повествование о революционной борьбе трудящихся Бухарского эмирата за свое социальное освобождение, о том, как страдающий, униженный народ поднялся на исторический подвиг — социалистическую революцию — и, совершив его, приступил к созиданию социалистического общества.

Роман начинается с описания, символизирующего судьбу многих таджикских бедняков. «Не думайте, что эти родники в состоянии вращать мельничные жернова. Нет, вода в них сочится капля по капле; их можно было бы сравнить со слезами бедняков Бухарского ханства, если бы эти капли были кровавыми. Капли стекаются вместе и образуют прозрачные ручейки. Вода в них чистая-чистая, словно ее процедили сквозь камень: она ясна и сверкает алмазом... Не будь здесь прибрежной растительности, блеск воды со сверкающими в ней звездными отражениями ослепил бы вас. Пройдите еще немного вперед, и сияющий ручей внезапно исчезнет, скрывшись под скалой, словно ясный месяц за тучей... Сделайте несколько поворотов, и перед вами из-под другой скалы с журчанием появится тот же ручей, но уже окрепший и жизнерадостный, потому что под скалами он принял в себя еще несколько родников. Теперь он течет шумливо и, перекатывая мелкую гальку... выравнивает себе русло. Чем дальше вы идете, тем ручей становится шире и полноводней. А путь ваш уже не так сдавлен и зловещ... Еще немного, и вы, наконец, добрались до середины ущелья. Здесь ручей шумно низвергается с горного склона и становится полноводным и бурливым потоком» (перевод О. Эрберга).

В основе романа — судьба пастуха Едгора и его возлюбленной Гульнор. Начало XX века. Далекий горный кишлак. Едгор, попавший в долговое рабство, не смиряется, подобно отцу, с голодным и мрачным существованием и бежит из кишлака. Октябрьская революция освобождает Едгора из тюрьмы. Он, а за ним и его верная подруга Гульнор героически отстаивают родную власть, сражаются с басмачами.

Роман «Дохунда» свидетельствует о том, что за время, отделяющее его от создания повести «Одина», Айни проделал большой путь как советский писатель-реалист. Правда, в романе еще есть отзвуки абстрактной мечтательности, традиционной условности, характерные черты образов раскрыты не всегда психологически достоверно. Но главное, Едгор и Гульнор — активные борцы за новую жизнь, они сами созидают ее, эту жизнь, о которой мечтали тысячи и тысячи одина.

Юлиус Фучик и Садриддин Айни

В 1934 году Айни завершил эпопею «Рабы», занявшую достойное место в классическом фонде советской литературы. Эпопея охватывает свыше ста лет из истории таджикского народа — от первой половины XIX века до победы колхозного строя в республике. Перед читателями возникает жизнь Бухары во многих аспектах, проходят представители всех слоев и классов — в тесном переплетении, взаимосвязях, схватках и единении. На судьбе трех поколений — рабов Ашура, Ачила, Некадама, Зебо, Гульсум, батраков и детей рабов Эргаша, Сафар-Гулома, Кульмурода, Мухаббат и других, комсомольцев Хасана, Фатимы, колхозной молодежи — прослеживаются поворотные пункты столетней истории таджиков.

«Рабы» — это эпопея, знаменующая в творчестве Айни овладение социалистическим реализмом. Замысел произведения решен своеобразно и очень убедительно. Характеры главных героев развиваются, складываются в ожесточенной «внешней» борьбе с противниками и в не менее ожесточенной «внутренней» борьбе в их сознании. И события, и герои даются крупным планом, броскими линиями, меткими очертаниями. Здесь все определенно, размашисто и просто — нет ни тени условности, абстрактности, которыми грешил роман «Дохунда».

В республике Садриддина Айни почтительно называют отцом таджикской советской литературы. И это определение очень верно.

Перу Айни принадлежит первое таджикское советское произведение. Это «Марш свободы», сложенный им в 1918 году на мотив «Марсельезы».

О, рабы! Подымайтесь из праха,
Красным знаменем мир озаря!
Сбросьте иго покорства и страха —
Засияла Свободы заря.

Мы рассеем унынье и горе,
Мы неправду развеем, как дым,
Во всемирном, вселенском просторе
Справедливость навек утвердим.

Перевод И. Сельвинского

Айни не только основоположник реалистической таджикской прозы, автор первого таджикского романа, повести, очерка. Он и создатель первых научных литературоведческих трудов, зачинатель национальной литературной критики. В каждом из его очерков о таджикских классиках сказано новое слово.

Но дело не только в этом. Личность Айни была столь сильной и привлекательной, что доброе влияние писателя постоянно чувствовали все деятели национальной культуры.

Все — это не преувеличение! — таджикские и многие узбекские писатели и поэты ощущали на редкость заботливое и вместе с тем требовательное внимание Айни, с благодарностью пользовались его советами. Он обладал прекрасным талантом — чутко распознавать дарования и тактично поддерживать их. Сколько начинающих с волнением изучали испещренные четким почерком устода страницы своих рукописей! Сколько получали они от него писем с меткими замечаниями, зачастую имеющими большую научную ценность.

Неутомимый труженик, Айни первой заповедью считал — ни одного дня без написанной строчки. Беспокойный искатель, он был удивительно строгим к себе. В 1953 году вышла в новой редакции его широко известная сатирическая повесть «Смерть ростовщика». Это было неожиданным и для критиков, и для читателей, которые в свое время высоко оценили первую редакцию произведения. В предисловии к новому изданию Айни отмечал, что в повести был мало показан народ, и потому он переработал ее. Нужно было обладать колоссальным трудолюбием и принципиальностью, чтобы в 74 года, будучи тяжело больным, совершенствовать произведение, давно и не однажды опубликованное и любимое читателями.

Идейно и художественно зрелый художник, Айни глубоко понимал роль и место советской литературы в жизни народа. Свои «Воспоминания» (1949 — 1954 гг.) — эту талантливую, умную книгу — он писал главным образом для подрастающего поколения. На склоне жизни он считал своим долгом вновь рассказать простую правду о жизни, о себе, о людях, с которыми сталкивала его судьба, подвести итог своим жизненным наблюдениям. Эту жизнь, ее глубинные процессы писатель воссоздает через типические образы реальных людей, через раскрытие психологии, духовного мира представителей разных слоев бухарского общества. «Воспоминания» — гимн простым труженикам, носителям самых здоровых и светлых качеств нации.

Никогда не уставал Айни учиться — у народа, у классиков родной литературы, у русских писателей, у товарищей по перу. Неистощима была его исследовательская жадность к родному языку. Трогательна его любовь к Горькому: ни одну беседу на литературные темы не проводил он без ссылок на высказывания или произведения великого писателя. Неистощимым был его интерес к новинкам всей советской литературы.

***

Наследие Садриддина Айни — национальное богатство не только таджиков. Оно — гордость всей нашей многонациональной культуры. И обидно, что творчество классика таджикской советской литературы не стало еще достоянием читателей во всех уголках нашей Родины. Союз писателей СССР проявляет уважение к Айни не очень действенно: переиздаются одни и те же — притом не все! — книги писателя, да еще в переводах, далеко не совершенных. Давно пора организовать комиссию по изучению наследия замечательного советского писателя, поэта и ученого и издать собрание его сочинений в подлинно художественных переводах. Это будет лучшим памятником Айни. И это заметно пополнит сокровищницу советской культуры.

В ПАНКИНА

* Устод — учитель, мастер.

ПОЧЕМУ ВЗВОЛНОВАНЫ ПРОСТЫЕ АНГЛИЧАНЕ

Седрик БЕЛФРЕДЖ,
американский публицист

Остров Рождества — кусочек земли, затерянный в бескрайних океанских просторах, — с недавних пор будоражит людские умы. Летом там предполагается провести первые испытания английской водородной бомбы. Но пока власти планируют, в народе крепнет решимость добиться заключения международного соглашения о прекращении всех подобных экспериментов. Возмущение общественности, кажется, вскоре достигнет еще большего накала, нежели в период суэцкой авантюры. Различные религиозные организации, включая квакеров, требуют отмены испытаний на острове Рождества. Вопреки сопротивлению архиепископа Кентерберийского, Британский церковный совет принял резолюцию, содержащую энергичный протест против продолжения атомных испытаний.

Образован Национальный совет по прекращению испытаний атомного оружия любых видов. Совет должен возглавить и объединить тысячи и тысячи протестующих людей, многие из которых опубликовали свои заявления в ведущих газетах. Всем известно о решении Гарольда и Шейлы Стил, родителей троих детей, заявивших о своей готовности отправиться в зону атомных испытаний и стать «добровольной жертвой экспериментов, с тем чтобы показать миру весь ужас этих разрушительных планов». На собрании школьников 13-летний сын этой четы — Хью — спросил своих товарищей: «Вот что делает мой папа. А что делаете вы все?»

Идея супругов Стил захватила многих. На прошлой неделе Японский совет борьбы против атомного и водородного оружия сообщил, что поступило уже 7.000 заявлений от желающих отправиться в опасную зону в составе «флота мира» для проведения беспрецедентной демонстрации в пользу мира. Японское правительство, как и Союз моряков, до сих пор отказывалось сотрудничать в целях осуществления этого начинания, но, по полученным сведениям, имеются суда, команды которых готовы участвовать в этом походе.

У подножия памятника жертвам атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму в 1945 году, четверо пострадавших от этого налета объявили голодовку до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение о прекращении всех дальнейших испытаний.

Протестующих японцев пытались утешить обещаниями, что в районе испытаний будут сброшены листовки и что английские военно-морские силы «удостоверятся в отсутствии в опасной зоне судов» и «тщательно изучат любое требование о возмещении ущерба или потерь». Но эти более чем слабые утешения, разумеется, никого не успокоили.

Но вернемся к Англии. Здесь многих разочаровали итоги Бермудского совещания, где Эйзенхауэр и Макмиллан договорились о том, что «в настоящее время бесспорно необходимы дальнейшие ядерные испытания». Даже консервативная «Таймс» обратила внимание на то, что Британия, лишь недавно заявившая о своем согласии обсуждать вопрос об ограничении испытаний, независимо от вопросов всеобщего разоружения, тут же взяла свои слова обратно. «Таймс» подытоживает: «Мы вернулись к первоначальному положению, и это означает, что каждый волен продолжать испытания, и так часто, как ему нравится». Вывод не из радостных... Газета «Дейли экспресс» опубликовала мрачную карикатуру, показывающую неизбежные результаты испытаний на острове Рождества: Франция, Западная Германия и другие государства ожидают очереди испытать свои собственные изобретения для массового уничтожения и обречь еще не рожденных на рак крови и костей.

В течение недели премьер-министр Макмиллан противостоял нажиму таких левых лейбористов, как Силвермен и Зиллиакус. Они требовали, чтобы премьер четко высказался об опасностях атомной радиации, а также о советских предложениях по вопросу о прекращении испытаний. Однако объяснения Макмиллана с ссылками на неназванных ученых имели цель преуменьшить опасность.

Что касается лейбористской партии, то с того момента, когда правое крыло стало поддерживать требования о производстве водородных бомб в Англии, в партии произошел раскол.

В конце недели этот раскол проявился в прямо противоположных высказываниях представителя правого крыла Джорджа Брауна, заявившего, что Британия должна иметь и испытывать свою собственную водородную бомбу, и представителя левого крыла Зиллиакуса, который напомнил о резолюции, принятой партией в 1956 году и призывавшей к уничтожению всех видов термоядерного оружия. Когда члены парламента от лейбористской партии собрались, чтобы положить конец разногласиям, правые лидеры выдвинули «компромиссную» резолюцию, осуждающую термоядерные испытания, но не содержащую никаких упоминаний об острове Рождества. Подавляющее большинство выступило против этой резолюции, охарактеризовав ее как фактическую поддержку политики консерваторов, и потребовало, чтобы партия высказалась против проведения дальнейших испытаний при условии, что их не будет проводить какое-либо другое государство. Через несколько часов после начала этого обсуждения 80 членов парламента от лейбористской партии подписали резолюцию, требующую, чтобы Англия прекратила испытания без каких бы то ни было условий и оговорок.

Люди, различные по общественному положению, взглядам и профессиям, все чаще приходят к общему мнению, что политика «с позиции силы» пагубна для Англии и абсурдна. Философ Бертран Рассел писал в газете «Манчестер гардиэн», что в случае термоядерной войны «мы будем уничтожены за один-два дня», причем наличие водородной бомбы и американских установок для запуска атомных снарядов, управляемых на расстоянии, сделало бы положение более, а не менее опасным. Многие с ним согласны.

Следующие три недели покажут, достаточно ли сильны протесты в Англии и во всем мире, чтобы остановить испытания на острове Рождества, так же как была остановлена суэцкая авантюра.

ЛОНДОН, апрель.
(По телеграфу)

В ГОСТЯХ И У СЕБЯ

Снимки из французского журнала «Пари-матч» и австрийской газеты «Фольксштимме».

КТО сказал, что в США существует расовая дискриминация? Посмотрите, как горячо обнимает негра вице-президент США Ричард Никсон. Это ли не символ дружбы и равноправия белых и черных!

Сия идиллическая картинка нуждается всего лишь в нескольких словесных добавлениях. Дело происходит не в США, а в африканском государстве Гана, где вице-президент недавно побывал. Американская печать широко рекламировала этот визит, подчеркивая на все лады «любовь и симпатии» правящих кругов США к африканским неграм. Сам Никсон довольно откровенно объяснился в любви к черному континенту, заявив, что «Африку можно считать последней девственной зоной, оставшейся в мире. Со своими 200 миллионами жителей и огромными ресурсами она призвана играть все более важную роль в жизни будущих поколений». Что это означает в переводе на общеупотребительный язык, думается, ясно каждому. Газета «Нью-Йорк таймс» писала недавно, что внешняя политика США в Африке должна обеспечить такое положение, при котором «гигантский и в значительной степени нетронутый резервуар природных ресурсов Африки не был бы закрыт для западных рынков». Сжимая в своих объятьях жителя Ганы, высокий американский гость, вероятно, представлял себе, что он уже держит в руках всю Африку...

В послании новому африканскому государству Эйзенхауэр писал: Америка гордится тем, что предки многих американских граждан происходят из Ганы. Однако премьер-министр Ганы Кваме Нкрума, проживший 10 лет в США, отнюдь не считает, что в США так уж сладко живется выходцам из Ганы. Не зря он заявил, что «Гана хотела бы быть убежищем для негров всего мира, в том числе и для негров... Америки».

Как раз в те дни, когда вице-президент Никсон обнимал африканских негров, на его родине происходили кровавые эксцессы, направленные против негритянского населения. В Чикаго был зверски убит негр, ученик средней школы Элмэр Палмер. Он спокойно ожидал автобуса, когда несколько белых хулиганов выскочили из автомобиля и, окружив негра, стали избивать его. Один из хулиганов ударил Палмера молотком по голове. Пострадавший умер через несколько часов в больнице. Убийца нагло заявил, что, видите ли, ему «не понравилось, что негр находится в районе, населенном белыми».

Это всего лишь один из многочисленных антинегритянских актов, которые все чаще происходят в США.

Фотодокумент справа, на котором запечатлена расправа американских расистов над негром, — типичен и правдив. Этого никак не скажешь о снимке слева.

Французская молодежь борется...

Клод Марти

Большой зал на улице Шато, в 14-м округе Парижа. Сотни людей аплодируют стоя, бурно приветствуют двух женщин, поднимающихся на трибуну в сопровождении старых ветеранов борьбы против фашизма, героев Сопротивления гитлеровским оккупантам. Одна из них — немолодая, с гладко зачесанными назад волосами, скромно одетая. На лице, внешне спокойном, — неизгладимая печать суровых жизненных испытаний. Другая — совсем еще юная девушка. Решительное лицо обрамлено темными кудрями. Это мать и сестра Клода Марти, арестованного французскими властями за отказ служить под началом гитлеровского генерала Шпейделя. Участники митинга единодушно высказались против пребывания Шпейделя на посту командующего войсками НАТО в центральной зоне Европы, потребовали немедленного освобождения Клода Марти. После митинга мать и сестру Клода плотным кольцом окружили юноши — товарищи Клода. Как и Клод, они ожидали в этом году призыва в ряды французской армии. Их отцы, как и отец Клода, были расстреляны гитлеровцами. Подобно Клоду Марти, они написали президенту республики, что отказываются выполнять приказы такого командира, как нацист, убийца французских патриотов Шпейдель. Как и Клод, они со дня на день могут ожидать ареста...

Клоду Марти лишь недавно исполнилось двадцать лет. В годы гитлеровской оккупации он был еще маленьким мальчиком. Но ему навсегда запомнились мрачные своды парижской тюрьмы «Фрэн». Вместе с сестрой Мишлиной он приходил сюда на свидание с отцом — Луи Марти, мужественным патриотом, брошенным в тюрьму за свою борьбу против гитлеризма. Отец был молод, могуч духом. Он стойко сопротивлялся тюремным лишениям. Видя страдания детей, он старался подбодрить, развеселить их, вдохнуть в их юные сердца твердую веру в лучшее будущее.

Настал день, когда Луи Марти бежал из тюрьмы. Вскоре он оказался в партизанском районе Сэн-Сован, где с оружием в руках сражался против палачей французского народа. В одном из боев он был схвачен гитлеровцами. Его расстреляли...

Да, французский рабочий Луи Марти, отец Клода, был настоящим героем. Уже после ареста Клод получил письмо от боевого друга отца — известного борца Сопротивления лейтенанта Марко.

«Дорогой мой малыш Клод! — писал Марко. — Разреши мне называть тебя так, хотя ты уже не тот маленький паренек, о котором мне рассказывал твой отец, мой товарищ в борьбе и страданиях. Позволь мне сказать тебе, как я горжусь тобой, как я одобряю твое мужественное решение. Ты похож на своего отца, малыш... В свое время мы вместе бежали из тюрьмы в маки Сен-Сована, в департаменте Вьенна. Здесь твой отец отважно сражался против гитлеровских оккупантов и милиции. Мы прозвали его «Великим Смельчаком». 27 июня 1944 года его расстреляли вместе с 30 другими товарищами. Перед казнью осужденным приказали лечь на землю, лицом книзу. Затем палачи выстрелили им в затылок. Убийцы долго топтали сапогами головы своих жертв. И после этого смеют заставлять тебя служить под началом одного из командиров этих палачей!..»

Французский рабочий патриот Луи Марти, говорит лейтенант Марко, глубоко верил в прекрасное будущее Франции. Он мечтал о счастливой жизни для своих детей. И вот, спустя тринадцать лет, в той же тюрьме «Фрэн» оказался его сын Клод Марти. Его заключили сюда как преступника только за то, что он отказался предать память своего отца. И снова приходят в тюрьму мать и сестра Клода, носят передачи, часами ждут вестей о Клоде и часто, выслушав грубый отказ, уходят ни с чем. И снова Клод, как некогда отец, пытается успокоить близких, внушить им бодрость.

По делу юного патриота открыто следствие. На допросе в военном трибунале Клод Марти вновь подтвердил свой решительный отказ служить в таких вооруженных силах, которые поставлены под командование гитлеровского генерала Шпейделя.

«Я считаю, что выполнил свой истинный долг француза и патриота, — заявил он. — Мой отец не для того отдал свою жизнь 29 лет от роду, чтобы я сегодня начал свою воинскую службу под началом нациста».

Клод Марти, его мать и сестра не одиноки. В тот самый день, когда Клод Марти бросил в лицо следователю гордые слова истинного французского патриота, тысячи французов, в том числе видные французские политические и общественные деятели, писатели и деятели искусств, устроили на парижской площади Звезды, у Триумфальной арки, могучую манифестацию протеста против позорного назначения гитлеровца Шпейделя. На могилу Неизвестного солдата были возложены горы живых цветов.

98 французских юношей — сыновья убитых шпейделями борцов Сопротивления — вторично обратились с письмом к президенту республики Коти, в котором подтверждают свой отказ служить в армии, руководимой Шпейделем.

«Мы вновь заявляем, — пишут молодые французы, — что мы готовы выполнять обязанности французского солдата, но, как и Клод Марти, мы не считаем возможным служить под началом гитлеровского генерала Шпейделя.

Все мы солидаризируемся с Клодом Марти. Мы протестуем против скандального режима, в условия которого он поставлен, и требуем его немедленного освобождения».

В течение нескольких дней имя простого французского рабочего Клода Марти стало известно всей стране. Незнакомые люди пишут ему ободряющие письма, телеграф неусыпно отстукивает в адрес властей народные резолюции протеста против преследования Клода Марти, против назначения Шпейделя. Имя Клода Марти стало символом сопротивления французской молодежи антинациональным планам недругов французского народа.

«С Клодом Марти и его товарищами — вся молодежь, — пишет прогрессивный еженедельник «Авангард». — Она окажет им энергичную поддержку, убежденная в том, что борьба, которую ведут эти юноши, служит миру и Франции».

С. ТАРХАНОВА

Неделя дружбы

Обложки книг советских писателей, изданных в Греции в 1956 году. Слева направо: «Педагогическая поэма» А. Макаренко, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого.

Окончилась неделя греко-советской дружбы, которая показала, что дружеские связи советского и греческого народов растут и расширяются.

За последние два-три года значительно оживился культурный обмен между нашими странами. Советский зритель приветствует греческого дирижера Паридиса, артистов Темелиса, Влахопулу, Коколиоса, Колассиса и других, а Афины аплодируют ансамблю «Березка» и Леониду Когану, артистам советской эстрады, тепло встречают Ансамбль народного танца СССР. Сотни тысяч советских кинозрителей с интересом смотрят кинофильм «Фальшивая монета» — талантливое произведение молодой греческой кинематографии, а в Афинах, Салониках и других городах Греции с успехом демонстрируются советские фильмы «Отелло», «41-й», «Бессмертный гарнизон», «Два капитана» и другие, в Москве исполняется балетная сюита греческого композитора Андреаса Незеритиса, а в концертных залах Афин звучит музыка Чайковского, Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна.

Особой популярностью пользуются в Греции книги русских классиков и советских писателей. Только в 1956 году в Греции издано более 50 переводов книг русских и советских авторов тиражом около 250.000 экземпляров.

Любовь к нашей литературе имеет в Греции богатые традиции. С произведениями Л. Толстого и Достоевского, Пушкина и Чехова, Тургенева и Гоголя греческий читатель знаком давно. Их книги издавались много раз, и все-таки они ежегодно переиздаются. Совсем недавно вышли в свет книги Пушкина «Капитанская дочка» и «Сказка о царе Салтане», «Война и мир» и «Казаки» Толстого, книги Чехова и Достоевского. Огромной любовью пользуются в Греции произведения великого пролетарского писателя М. Горького. В конце 1956 года переизданы его произведения «Мать», «Детство», «В людях», «Мои университеты», «Дело Артамоновых». Вышли в свет первые два тома двенадцатитомного собрания сочинений писателя.

В Греции изданы «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» Островского, «Педагогическая поэма» Макаренко, «Петр I» и «Хождение по мукам» А. Толстого, «Тихий Дон» и «Поднятая целина» Шолохова, «Не переводя дыхания», «Падение Парижа», «Буря», «Оттепель» Эренбурга, «Молодая гвардия» и «Разгром» Фадеева, книги Полевого, Катаева.

Со школьной скамьи мы полюбили прекрасные мифы Древней Греции — великолепные образцы народного творчества. Огромными тиражами издаются в Советском Союзе бессмертные творения Гомера — «Илиада» и «Одиссея», Аристотель и Софокл, Эсхил и Аристофан. Знакомы нам и имена крупнейших греческих писателей Соломоса и Паламаса.

Очень интересна современная литература Греции. Создает новые произведения живущий во Франции известный греческий писатель Никос Казандзакис, автор романа «Христа распинают вновь». Очень популярен в Греции один из старейших писателей Костас Варналис, стихи которого, проникнутые горячей любовью к родине, помнят наизусть многие люди Греции. Широко известны имена поэта Янниса Рицоса, побывавшего недавно в Советском Союзе, Менелаоса Лудемиса — поэта и прозаика, Венезиса, Мирвилиса, Ливадитиса и других. Мы надеемся, что советский читатель сможет в будущем познакомиться с лучшими образцами современной греческой литературы.

Неделя греко-советской дружбы послужила дальнейшему сближению наших народов.

Ю. ЛЕОНОВ

НА РИМСКИХ ОКРАИНАХ

ХУДОЖНИКУ пришла странная фантазия нарисовать на обложке книги «Римских рассказов» Альберто Моравиа величественное здание собора святого Петра. Нет, не этот Рим, издавна привлекающий тысячи туристов замечательными памятниками архитектуры и искусства, запечатленный в сотнях альбомов и путеводителей, изображает Моравиа. В его рассказах другой Рим: знакомый нам по послевоенным итальянским фильмам город окраинных улочек и ветхих лачуг, самый постоянный обитатель которых — нищета. Для туриста площадь святого Петра — цель и смысл путешествия, для героев Моравиа — это всего лишь привычная деталь пейзажа, не играющая никакой роли в их жизни. Туристы редко забредают туда, где живет бедный люд, что там смотреть — «ничего нового, ничего радостного... обычный Рим». Здесь нет достопримечательностей. «...Едет по улице человек в машине или идет пешком... — рассказывает один из героев Моравиа. — Ему все равно, что эта улица, что другая. Но если жить на ней, как я, проводить безвылазно целые дни, с раннего утра и до позднего вечера, тогда это для вас уже не просто улица, а целый мир...»

Да, это целый мир, и населяющим его людям — разоряющимся лавочникам и тем, кто отчаялся найти мало-мальски сносную работу, официантам и парикмахерам, обойщикам и мусорщикам — живется плохо, очень плохо. Одни из них едва-едва держатся на поверхности: бессильные что-либо предпринять, оцепенев от страха, они покорно ожидают сокрушительных ударов судьбы. Другим уже терять нечего, и они пытаются... нет, не выбраться со дна, — раздобыть каким-либо, чаще всего нечестным, путем немного деньжонок. Но и здесь их подстерегают неминуемые неудачи: в любом деле — даже противозаконном — дилетантство успеха не приносит. Третьи... Когда люди мимоходом, как о чем-то давно привычном и само собой разумеющемся говорят: «У меня не было никакой специальности, поэтому я не мог назвать себя безработным»; «...Я хотел быть хорошим тружеником, а вместо этого оказался безработным»; «Теперь мне часто приходилось менять профессию, и наконец я вовсе остался без работы», — тогда дело, видимо, совсем скверно. Тут уж не скажешь: удел бедняков — большие невзгоды и маленькие радости. Забитые беспросветной нуждой, поглощенные волчьей борьбой за кусок хлеба в буквальном смысле слова, они не знают радостей. Крепкие ботинки взамен развалившихся, более или менее сытный обед (хотя бы на сегодня, а там видно будет) — вот предел мечтаний. Что же здесь удивительного? «Какую другую потребность можно сравнить по остроте с голодом? — этими горькими словами начинается один из рассказов Моравиа. — Попробуйте вслух произнести: «Мне нужна пара ботинок... мне нужна расческа... мне нужен носовой платок», помолчите минуту, переведите дыхание и потом скажите: «Мне нужно пообедать» — и вы сразу почувствуете разницу».

Эту разницу дают почувствовать рассказы Моравиа. Когда мы читаем о том, как от голода у человека «все предметы, которые он видит, дрожат», как истово верующая католичка из-за того, что ей нечем кормить детей, решилась обокрасть церковь или как черная нужда заставила мать подкинуть своего ребенка — «что бы с ним ни случилось, все будет лучше», — когда перед нами встают все эти гнетущие, особенно страшные своей будничностью картины, яснее ясного становится, что общество, где человек вынужден влачить столь жалкое существование, устроено из рук вон плохо, и рано или поздно на смену ему должно прийти другое — более справедливое и разумное.

Моравиа не принадлежит к тем художникам, которые в своих произведениях, внимательно и настойчиво исследуя механику социальных противоречий и конфликтов, вскрывают причины бедствий героев и указывают на виновников их страданий и несчастий. Разве кто-нибудь виноват, что героя рассказа «Не везет», который «всегда старался работать честно», преследуют неудачи? За что он только ни брался, — открывал обувную мастерскую, слесарную, матрацную, — финал бывал один и тот же — крах. И вот впереди в лучшем случае полунищенское существование. Кто повинен в том, что многие из героев «Римских рассказов», отчаявшись найти выход из тяжелого положения, становятся преступниками? И даже праздник несет бедняку лишь новые унижения, — с кого спросить за это?

В рассказах Альберто Моравиа нет конкретных виновников социального зла, которым следовало бы предъявить счет бед и горестей. Это зло не персонифицировано. Но, может быть, поэтому «Римские рассказы» не оставляют и тени сомнения в том, что дело не в свирепых полицейских или в бездушных и продажных чиновниках, а в самом устройстве жизни, которое не оставляет для маленького человека места под солнцем. Ведь в итальянских фильмах приходилось видеть порой и добрых полицейских, и честных, сердобольных чиновников, но ничто от этого не менялось. Вывод оставался неизменным: общественный порядок, при котором труженик обречен на нищету, голод, бесправие, никуда не годится.

О нелегкой судьбе маленького человека в мире капиталистического хаоса рассказывал О. Генри. Его новеллы — это иногда грустные, иногда драматические истории несбывшихся мечтаний, неосуществленных стремлений. Но нередко он писал и о другом: о счастье, вдруг улыбнувшемся неудачнику, о благосклонном случае, пришедшем на помощь бедняку. Это было лет 50—60 назад. С тех пор немало утекло воды. Давно уже никто не верит в то, что сметка, настойчивость и добродетельное поведение могут открыть чистильщику ботинок путь в миллионеры. Жестокий мир чистогана безжалостно наступает на простого человека, лишая его всего: хлеба, крова и даже прекраснодушных и утешающих иллюзий. И для искусства эти годы не прошли бесследно. Многие художники стали трезвее и беспощаднее смотреть на мир. Счастливый случай исчез из правдивых произведений: он уже ничего не может изменить в жизни бедняка, он не в состоянии пробить брешь в сложившихся общественных отношениях.

Это вовсе не означает, что для реалистического произведения трагический финал стал обязательным или наиболее распространенным. Большинство рассказов Моравиа, как и многие итальянские фильмы, заканчивается как будто бы вполне благополучно. Неотвратимое, казалось бы, несчастье миновало героя: он или избежал смертельной опасности, или выпутался из не предвещавшей ничего хорошего передряги, или избавился от грозящей ему тюрьмы. Прошла беда, нарушившая обычный ход жизни героя, и все вошло в привычную колею. Вновь отчаянные поиски работы или вечный страх потерять ее, вновь голодные дети и растущие долги, вновь жалкая лачуга и дырявые башмаки. Ведь герой этот, как пишет Моравиа, «...настолько несчастен, что вызывает к себе жалость без всяких особенных бедствий, одним уж тем, что существует на свете». Круг замкнулся. Ценой неимоверных усилий, при благоприятном стечении обстоятельств, маленькому человеку удалось выдержать жестокий удар судьбы, но он не может одолеть обычных тягот, добиться мало-мальски сносной жизни.

И только в лучших итальянских кинокартинах круг безысходности разрывается: они освещены светом доброй надежды. «Если верно, что бог нас всех создал, то он должен быть щедр, чтобы дать нам хоть на два гроша надежды! Нельзя жить без надежды», — этими прекрасными словами заканчивается одна из самых сильных картин. И в словах этих заключен большой, многозначительный образ. «Два гроша надежды» — это то новое, что внесла жизнь последнего десятилетия в передовое итальянское искусство.

Моравиа называют неореалистом. Его творчество проникнуто ненавистью ко всему, что питало и питает фашизм, что превращает маленького человека в озлобленное ничтожество, что взращивает хищничество и паразитизм. Чтобы верно понять пафос «Римских рассказов», нужно помнить о характере и направленности предшествующего творчества Моравиа. Начиная с первого, вышедшего еще в 1929 году романа «Равнодушные», писатель изображал опустошенность и цинизм, порожденные фашистским безвременьем, обнажал язвы общества, пораженного недугом гражданской апатии и возведенного в государственную добродетель лицемерия, страшные язвы, которые тщетно маскировались показным энтузиазмом чернорубашечников и помпезностью правительственных мероприятий Муссолини. Моравиа не касался политики, но нарисованная им картина падения нравов и чудовищного разложения изобличала фашизм. В «Римских рассказах» продолжает звучать та же тема обличения нравственной деградации, духовного убожества, циничного равнодушия.

Давно известно, что трудности и испытания закаляют и просвещают одних, забивают и надламывают других. Моравиа интересуют главным образом последние. Опустившиеся и опустошенные, равнодушные и изверившиеся, они — эта муть общества — поставляют и фашистских диктаторов, и фашистских палачей. В конечном итоге, идеология фашизма — это ставка на низменные инстинкты, на понижение моральных ценностей, на инфляцию лучших человеческих чувств. И когда Моравиа рисует подонков, одержимых желанием топтать ближних, чтобы почувствовать себя сильным, помыкать окружающими, чтобы уверовать в свое превосходство над ними, мы видим в них молодчиков, которых не так уж трудно представить в фашистских мундирах. Этому отребью — потенциальным убийцам и насильникам (как Лоруссо из рассказа «Гроза Рима», мечтающий «вывести в расход кучу народа») и уже «проявившим» себя злодеям (вроде Натале из рассказа «Очки», который был уличен в убийстве лишь потому, что его подвела «методичность»: «...чтобы не промахнуться, он снял очки и положил их на подоконник. А потом в возбуждении забыл их взять») недостает лишь одного: сознания безнаказанности. Стоит назвать их сверхчеловеками, и они, стремясь доказать это на деле, не остановятся ни перед чем. Эти омерзительные и зловещие фигуры — выражение того большого беспокойства, которое испытывает писатель-гуманист за судьбы культуры и цивилизации. И тревога его не лишена оснований: чем больше обостряются противоречия в капиталистическом обществе, тем сильнее тяга хозяев жизни к власти, опирающейся на самый разнузданный террор и оголтелое изуверство. Все это так. Но опыт истории последних десятилетий учит, что фашистам лишь до поры, до времени удается парализовать здоровые силы общества, рано или поздно эти силы приходят в действие — и тогда конец фашистскому владычеству. Так было и в Италии. Моравиа, обращая свой взор к жизни городских «низов», видит или людей жалких, раздавленных, потерявших себя, или озверевших в борьбе за существование, готовых на все. Но ведь есть и другие — те, что были героями Сопротивления, те, что верят в солидарность простых людей. И таких несравнимо больше, чем равнодушных «замухрышек» и отпетых мерзавцев.

Мы говорим об этом потому, что «Римские рассказы» не сборник беглых зарисовок и моментальных фотографий. Это цельное, законченное произведение с выношенной идеей, с тщательно отобранными наблюдениями. Моравиа — большой художник. Читая его рассказы, не перестаешь удивляться мастерству «перевоплощения» писателя: сколько как будто бы сходных по внутреннему содержанию и вместе с тем по-настоящему оригинальных, действительно неповторимых характеров, какое богатство человеческих типов! Достаточно сказать, что все рассказы написаны от первого лица, и в каждом из них новая фигура повествователя. Моравиа ни в чем не отступает от правды, ему чужды какие-либо иллюзии — все в его рассказах выразительно, точно, неопровержимо убедительно. И все-таки это не вся правда о людях, которые ютятся в жалких лачугах, не зная радости и покоя. Не вся, потому что для многих из них пришло время больших надежд. Нельзя жить без надежды!

Л. ЛАЗАРЕВ

Альберто Моравиа, «Римские рассказы». Перевод с итальянского. М. Издательство иностранной литературы. 1956. 447 стр.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Вс. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМИРНОВ, В. ФРОЛОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06 05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б00061